

Марта
МЕРЕНБЕРГ

■
Зеркала
прошедшего времени

Марта Меренберг

Зеркала прошедшего времени

Меренберг М.

Зеркала прошедшего времени / М. Меренберг —

Жорж Дантес... Кто он? Убийца Пушкина? Или – жалкий, растерянный юноша, запутавшийся в сети изощренных придворных интриг Петербурга, случайно узнавший слишком многое и ИЗБРАННЫЙ на роль случайного преступника? Возможно, все было и не совсем так... А может быть, и В ТОЧНОСТИ ТАК, как в этом блистательно тонком и поэтичном романе, в свое время ставшем одним из АБСОЛЮТНЫХ ХИТОВ русскоязычного Интернета!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марта Меренберг

Зеркала прошедшего времени

*Екатерине Опрышко
Елене Поповой
Маргарите Башировой
Екатерине Кукуреко с любовью*
Автор

Глава 1

Не умирай...

*Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своей правдой рок приводит
Нас к утехам и к бедам.
Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красоты,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.
Не ропщите: всё проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью, и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие крыле.*
Е. Боратынский

– И! Карету вашу починят, я уже распорядился. Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство... У нас тут есть свои мастера. Вот Гюнтер, тот вообще на все руки мастер, ваше сиятельство, господин барон... Не изволите еще бургундского? У меня в подвале изумительный выбор вина, да-с, десятилетней выдержки...

Хозяин «Старого замка» суетился вовсю. Поздний гость оказался персоной влиятельной и вряд ли почтил бы его своим посещением, если бы не сломанная дорожная берлина. В длинной черной бекеше, отороченной мехом, и в элегантном котелке, с тяжелой, украшенной золотым наконечником тростью, барон Геккерн казался мрачным и утомленным длинной дорогой из Парижа. Он следовал в Санкт-Петербург с предписанием занять пост голландского посланника в России. Его небольшие, умные и проницательные темно-серые глаза в упор разглядывали хозяина гостиницы, в которой пришлось остановиться на ночлег. Лысоватый толстый немец разливался соловьем, изо всех сил желая угодить высокому гостю. Ему были отведены лучшие покои в доме, и хозяйка распорядилась растопить в комнате камин, потому что холодный октябрьский туман, скрывший в вечерних сумерках склоны Альп, расплывался холодными серыми клочьями даже в уютной, и теплой гостиной.

Принесли свечи и вина; Геккерн, однако, не спешил поддерживать праздную и льстивую болтовню Фрица Херманна, успевшую изрядно ему наскучить, и неспешно и молчаливо потягивал из тонкого бокала красное вино, разглядывая фамильные портреты на стенах. Лица предков Херманна, впрочем, не отличались утонченностью или изысканностью – все они были

краснорожие, с толстыми, мясистыми носами, маленькими заплывшими глазками и бычьими шеями. Художник даже не потрудился сколь-нибудь польстить своим моделям, и реалистичность изображения была достойна сравнения разве что с полотнами Рубенса. Женские портреты были настолько же близки к оригиналу, и барон, нервно передернув плечами, внезапно уставился на портрет неизвестного юноши, висевший в самом дальнем углу.

– Это тоже ваш родственник?

Фриц, заметив искру интереса, вспыхнувшую в глазах барона, немедленно подлил ему вина и, слегка растягивая слова, промямлил:

– Это... ммм... первенец наш, Ганс... Он, видите ли... утонул, купаясь в озере... Течением его отнесло прямо на острые камни, и никто не знает, что случилось... Говорят, ударила его проплывавшая мимо лодка, но разве теперь поймешь... Тому уж двенадцать лет, как нет его...

Фриц вытер белоснежным кружевным платком краешек глаза и прочувствованно высморкался. Барон тем временем продолжал с интересом разглядывать портрет юноши, тонкие черты которого так разительно контрастировали с жирной красной физиономией отца. Его прямые светлые волосы несколькими непослушными прядями падали на широкий и чистый лоб, темно-серые глаза оттенка грозových альпийских туч нежно и несколько отстраненно смотрели на зрителя, а по-юношески яркие губы, казалось, вот-вот расплывутся в насмешливой улыбке. Даже веснушки на его чуть тронутых загаром щеках и нежной открытой шее были старательно и любовно выписаны неизвестным живописцем, и это явное усердие, усиленное несомненным талантом, задело Геккерна за живое.

– Сколько же было лет вашему Гансу, когда это случилось?

– Шестнадцать... Сейчас бы уже, глядишь, и внуки были... Да, красивый был мальчик, ласковый и послушный, во всем помогать старался... Мать вот не выдержала, с тех пор все хворает и хворает...

Геккерн пересел в тяжелое низкое кресло, поближе к камину, и некоторое время продолжал внимательно, с полуулыбкой разглядывать портрет несчастного Ганса Херманна.

– А что, господин Херманн, есть ли у вас сейчас постояльцы? – спросил он, решив, очевидно, утешить вконец расстроившегося старика. Фриц, польщенный вниманием «их сиятельства», снова принялся оживленно болтать:

– А как же, конечно, конечно... Тут давеча одна знатная дама заезжала, графиня, француженка. На одну ночь всего лишь и задержались. Всю ночь читали что-то, свечи жгли в спальне, я видел... А еще у меня, извольте видеть, один французик живет – уже поди дней десять, если не боле, как приехал тогда – в самый ливень... Такой ветер был сильный в ту ночь, слава Богу, деревья не поломало, на дом не упали... Только крышу пришлось потом в беседке чинить – сорвало от ветра... А юноша этот тяжело захворал тогда... Я гляжу – на нем лица нет, бледный, горячий как огонь, дрожит весь, глаза закрываются, еле мог идти... Жена дала ему горячего вина, послали за доктором, тот говорит – воспаление легких, дай-то Бог, чтобы выжил...

– А сейчас он как? – спросил Геккерн. «Жаль мальчишку, – подумал он, – надо бы посмотреть, в каком он состоянии... Может, помощь нужна...»

– ...и лежит, и все спит или стонет в бреду, – тем временем продолжал Фриц, – и денег у него мало совсем, на лекарства уже не хватает... Того и гляди помрет французик, а жалко... Чем-то он даже на моего Ганса похож...

Барон отчего-то вздрогнул, быстро поднеся руку к губам, и опустил глаза. Фриц перекрестился, глянув на висевшее над старинным зеркалом распятие, и умолк. Геккерн быстро поднялся и резко, тоном, не допускающим возражения, сказал:

– Я хочу сей же час посмотреть на него. Идемте!

По витой старинной лестнице поднялись наверх и, пройдя мимо красиво убранных спален, подошли к маленькой, жарко натопленной комнате в правом крыле дома. Тяжелая резная

дверь неожиданно легко открылась, и барон увидел молодого человека, лежащего на широкой кровати под тяжелым пуховым одеялом. В комнате было душно, пахло лекарствами, но белье было свежим и белоснежным, и белокурая голова с разметающимися прядями влажных волос почти сливалась с голубоватой белизной подушки. В неверном свете свечи лежащий на кровати юноша, почти мальчик, напоминал утомленного долгим полетом ангела, случайно залетевшего на огонек, как бабочка на пламя. Мертвенно-бледное, осунувшееся, изможденное лицо, обмеленные синевой закрытые глаза с длинными, как светлое кружево, ресницами, тонкая рука с нервными пальцами, лежащая поверх одеяла, казалось, принадлежат призраку, прозрачной тени, а не живому человеку.

Геккерт подошел ближе, попутно пресекая попытки словоохотливого Фрица вновь пуститься в пространные объяснения.

– Тсс! Тише! Не видите – он же спит! – прошепел он, не дав испуганному немцу раскрыть рта. – Идемте!

И он почти выволок из комнаты изумленного старика, который все повторял: «Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство» да «обойдется, даст Бог, обойдется...»

– Вот что, дорогой мой, я вам скажу, – начал Геккерт, когда они вышли в широкий, освещенный пролет лестницы. – Немедленно зовите врача, и я сам с ним поговорю. Мне необходимо знать, как и чем он его лечит. Сколько денег вы ему дали, Фриц? На низком бугристом лбу старика выступила испарина, и он, тяжело дыша, стал вытирать ее своим кружевным платком.

– Ваше сиятельство... да что вы... да я никогда... да вы напрасно, ваше сиятельство, беспокоиться изволите, уж я...

Геккерт молча смотрел на Фрица в упор потемневшими от ярости глазами. Барон был чуть выше среднего роста, а теперь, нависнув над плотным низеньким стариком, казался еще выше и значительнее, и нескрываемое презрение ясно читалось на его обычно невозмутимом лице. Скривив губы и брезгливо поморщившись, он тихо, но очень внятно сказал:

– Пойдите и позовите доктора. Вы слышали?

До смерти перепуганный Фриц мгновенно испарился, и уже через сорок минут из дверей подъехавшей к гостинице коляски вышел высокий сухопарый человек в круглых очках на остеренком носу, седой и благообразный, с длинными и подвижными, как щупальца, пальцами.

– Да-с, ваше сиятельство, господин барон, я не могу вам гарантировать, что мальчик выживет. У него очень слабые легкие, ему нужен теплый и мягкий климат, а он, кажется, едет в эту холодную снежную Россию, бедняга...

– Откуда вам это известно? – Геккерт выпрямился и, сложив руки на груди, с любопытством взглянул на врача, слегка наклонившись вперед.

– Он сам же и сказал, пока был еще в состоянии говорить... Но я не велел ему разговаривать, ему нужны полный покой и усиленное лечение, а здесь не нашлось даже горячей грелки... Герр Херманн заплатил мне за его лекарства, но прошла уже неделя, и...

– Сколько?

В высокое и светлое окно, неплотно закрытое тяжелыми шелковыми шторами, лился веселый солнечный свет. Молодой человек с трудом разомкнул веки, и ему показалось, что в глаза ему кто-то насыпал горячего, обжигающего песка. Тяжелая, как будто налитая свинцом голова горела, но уже не так, как накануне, и он, вздохнув, подумал: «Если еще есть чему болеть, стало быть, жив...»

Ему хотелось вскочить, распахнуть окно, выбежать на продутый всеми ветрами гостиничный двор и, вскочив на коня, умчаться к озеру. Однако страшная слабость не позволяла ему даже шевельнуться, и он с трудом поднял голову, пытаясь сфокусировать взгляд на чем-то ярком и душистом, стоящем на инкрустированном столике у его постели.

Цветы. Яркие, багрово-красные, с упругими зелеными стеблями, огромные, как солнца, они качались прямо перед его глазами, вызывая желание немедленно уткнуться в них лицом, впитаться губами, лаская пальцами темные, бархатные лепестки...

Как они называются? Георгины, кажется...

Осенние, жаркие, как кровь, и холодные, как высокое альпийское небо...

Он потянулся к тонкой хрустальной вазе, пытаясь вытащить из нее хотя бы один цветок, и, неловко задев ее локтем, тут же услышал собственный испуганный вскрик и звон разбитого вдребезги стекла, отозвавшийся в его голове тысячекратным многоголосым эхом. К тому же один из осколков больно царапнул его руку, из которой тут же потекла алая, как разбросанные по полу цветы, кровь...

– А, черт!

Оказывается, он был в комнате не один. Пытаясь прийти в себя, он почему-то не заметил человека, сидящего в кресле в противоположном углу комнаты. Густая тень шторы падала на его лицо, практически скрывая его. Услышав возглас юноши, человек пружинисто вскочил, проведя ладонью по темно-русым волосам, и подошел к постели больного.

– Доброе утро, несчастный страдалец! – проговорил незнакомец низким хриловатым голосом с легким оттенком иронии и, как показалось юноше, не совсем проснувшимся. – Меня зовут Луи Геккерн. А вы – Жорж Шарль Дантес, не так ли?.. Мне уже сказали... Нет-нет, не вставайте, друг мой, вам сейчас нельзя подниматься... Вы порезали руку? О Господи... позвольте мне...

Геккерн склонился над его рукой, отсасывая кровь. Быстро разорвав на длинные белые ленты свой кружевной белоснежный платок с вензелем «Л.Г.», он перевязал ему руку.

«Кто такой? – промелькнуло в голове у молодого человека. – Врач? Вроде был уже... вчера... или раньше... но не этот, этого я не знаю... Геккерн? А почему голос такой издевательский?»

Легкая насмешка, промелькнувшая в голосе Геккерна, не осталась незамеченной, и, измученный острым приступом болезни, молодой человек чуть не расплакался от обиды и жалости к себе. Он и сам не знал почему – сейчас ему хотелось, чтоб хоть кто-нибудь пожалел, сказал что-то доброе и ласковое, погладил по голове... В тот момент, когда незнакомец отсасывал ему кровь, у него внезапно закружилась голова и он чуть не потерял сознание, перед глазами вихрем завертелись в хороводе черные точки, он тихо застонал и откинул на подушку белокурую голову...

Внезапно теплая и сухая рука Геккерна легла ему на лоб. Жорж дернулся, и пальцы Луи скользнули по его скуле и подбородку, оставляя ощущение необычайной нежности и полной противоположности его насмешливому тону.

– А вы уже идете на поправку, господин Дантес, – с улыбкой сказал высокий человек в темной рубашке с серебряным вензелем «Л.Г.», вышитым затейливой вязью на кармане. Жорж снова открыл глаза и встретился взглядом с темно-серыми умными и проницательными глазами Геккерна, чуть покрасневшими, как после бессонной ночи.

– Месье Геккерн? Чем обязан? Вы врач?

– Нет, я не врач, – быстро ответил барон. – Я тут проездом, у меня сломался экипаж, и я жду, когда мне его наконец починят.

– Я, кажется, лежал в другой комнате...

– Да, это я распорядился, чтобы вас перенесли сюда. Здесь побольше воздуха и света, и вид из окна удивительно красивый. – Заметив, как мальчишка из последних сил попытался вытянуть шею, чтобы разглядеть вид из окна, барон рассмеялся. – Потом, месье Дантес, не сейчас. Я, наверное, и так вас преизрядно утомил.

– Так это я вам обязан своим спасением? О, господин Геккерн, я не знаю, как мне благодарить вас... Простите мне... я еду из Франции, и денег у меня осталось очень мало... Я

еду в Санкт-Петербург по рекомендации принца Вильгельма, который посоветовал мне делать военную карьеру в России, поступив на службу к русскому государю. Я... мне было так холодно в пути... здесь... ветер и такие сильные дожди... я, кажется...

Голос его внезапно сорвался, и он, закрыв глаза, снова пробормотал:

– Mercì...

– Прошу вас, месье Дантес, не надо меня благодарить.

– Называйте меня Жорж... и на ты. Вы для меня... О Господи, если бы не вы... я не знаю, что бы сейчас со мной было...

И совершенно неожиданно Жорж Дантес расплакался, как ребенок. Он ничего не мог с собой поделать – и слезы, вместе со словами признательности, солеными ручейками текли по бледному, измученному лицу. Геккерну показалось, что его сердце сейчас разорвется на части при виде этого всеми покинутого мальчика, белокурого и голубоглазого. Его мокрые от слез ресницы стали еще длиннее, а глаза – совсем синими, почти слившись с густо-синей кружевной тенью ресниц; потрескавшиеся, искусанные губы приоткрылись, обнажая ряд восхитительных, белых, как мелкий жемчуг, зубов. Барон внезапно осознал, что сам близок к обмороку, ноги отказывались держать его, и он, неожиданно для себя, вдруг тихо опустился на пол рядом с постелью Жоржа и взял мальчика за руку.

– Я не умру, месье Геккерн? – рыдал Жорж. – Я... у меня есть еще две сестры, старше... и брат, маленький... а татап умерла... А я не хочу умирать...

– Не хочешь – не умирай, – из последних сил пошутил Геккерн, не выпуская его руки. Рука Жоржа была тонкой, но сильной и по-мужски изящной, чуть покрытая легким золотистым пушком волос. – Успокойтесь, mon cher. Я... мне надо уйти... правда. Я зайду к вам... п-позже. Сейчас у вас будет врач, вам нужен полный покой.

Жорж совсем по-детски всхлипнул, вытерев кулаком мокрые от слез глаза, и с надеждой вымолвил:

– Вы еще придете, месье Геккерн? Правда?

– Правда. Не умирай. А то больше не приду, – напоследок попытался приободрить юношу Геккерн и вышел, столкнувшись в дверях с сухопарым остроносым врачом.

– Я буду ждать вас!..

– До свидания, Жорж Шарль...

– ...да, несомненно, лучше... и вызовите горничную – там надо немедленно убрать осколки, принести новую вазу и свежие цветы... чаю...

Последних слов барона Жорж уже не слышал. Он впал в блаженное забытие, заснул счастливый, как в детстве, и ему снилось, как будто он вновь в своем родном Сульце, и татап с улыбкой смотрит на него и ласково шурит из-под кружевной шляпки ясные синие глаза...

На залитой осенним солнцем ратушной площади Констанза толпился народ, духовой оркестр наигрывал вальсы, высокие витражные окна старинного готического собора с пухленькими веселыми ангелами на глядящих в небо порталах окрасили серые камни мостовой в праздничное многоцветье, искрящееся под солнцем после ночного дождя. Нарядные горожанки выходили из церкви, улыбаясь, радуясь последнему осеннему теплу, маленькие детишки вылизывали сахарных петушков на палочках, вальжные отцы семейств, сдувая из-под пышных усов белую кружевную пену, пили пиво под резными деревянными вывесками в форме кружек, и чайки, прилетевшие с набережной, уже успели подраться с местными голубями из-за вкусных крошек, которые щедро бросали птицам дети.

Высокий худощавый господин лет сорока, с тонким лицом, окаймленным элегантной бородкой, и бледный молодой человек лет двадцати в военной шинели неспешно прогуливались по площади, ведя один из тех бесконечных разговоров ни о чем, которые можно услышать в любом светском салоне от Парижа до Санкт-Петербурга.

– ...курсантом военного училища в Сен-Сире. Ну, это знаменитая военная школа для мальчиков... Разумеется, я старался, чтобы папан и рара могли гордиться мной, но, вы понимаете, господин барон, после Июльской революции мы все еще поддерживали государя Карла Десятого... Потом устроили демонстрацию, жандармы, конечно, всех нас разогнали, и меня вместе с другими легитимистами исключили из Сен-Сира... Это ужасно, барон, потому что я не вижу для себя другой службы, кроме военной...

– У вас в Сен-Сире были друзья, дорогой Жорж?

Дантес быстро взглянул на барона и, покраснев, отвел глаза. Его лучший друг и сосед по комнате, высокий и темноглазый Огюст Ноэн, на всех занятиях рисовавший шаржи на почтенных и уважаемых профессоров, и Жан-Клод Трэне, полная противоположность Огюсту, медлительный и задумчивый, поэт, с глазами, полными элегической тоски... Его заклятый враг Метман, вызывавший в нем такую бурю эмоций, что каждая их перепалка в коридорах сенсирской школы едва не кончалась для Жоржа дуэлью... Мальчишки хохотали до упаду над их ежедневными упражнениями в остроумии, их неоднократные попытки стреляться стали уже почти легендой Сен-Сира, а непристойные шаржи на Рене Метмана, нарисованные умелой рукой и распаленным воображением Ноэна, передавались из рук в руки, неоднократно попадаясь на глаза строгим учителям. За один из таких рисунков мальчишкам пришлось однажды остаться после уроков, выслушать длинную и занудную проповедь профессора, а потом подвергнуться порке...

Этот Матье, «военный стратег», как его называли в школе, слыл среди курсантов отъявленным мерзавцем и садистом, готовым пороть первую попавшуюся под руку курсантскую задницу за любую провинность. Кроме того, за ним водились и иные грешки, при воспоминании о которых Жорж покраснел еще больше.

Кнут и пряник... Порка и поцелуй... Боль, приносящая ни с чем не сравнимое удовольствие...

Ему хотелось непременно поделиться с кем-нибудь своими открытиями, и Огюст был именно тем человеком, который *понял*. Он и раньше подставил бы Жоржу левую щеку, если бы тому вдруг вздумалось ударить его по правой, но теперь при виде Дантеса глаза его заволновала туманная дымка, а с каждого листа его тайного дневника нежно улыбался юный кадет, чьей тонкой золотистой красоте фавна не грозили ни преувеличение, ни лесть.

На оскорбительные намеки в свой адрес Жорж Дантес отвечал самой грязной бранью и пощечинами, но стал втайне гордиться собственной исключительностью, и другие юноши на всех смотрах и парадах жадно пожирали глазами его высокую тонкую фигуру, синие глаза с легкой поволокой и белокурые волнистые волосы.

Однако предметом тайного восхищения и обожания Жоржа был черноволосый высокий красавец, гордость школы, высокомерный и надменный Рене Метман, чья едкая ирония и непристойные, злые выходки в его адрес стали притчей во языцех в Сен-Сире. Однажды, когда обоих шестнадцатилетних курсантов выгнали из класса за очередную провинность, Рене подошел к нему слишком близко, и Жоржу показалось, что сейчас тот ударит его. Невольно он сделал рукой защищающийся жест, но Рене схватил его руку и, сказав: «Пошли быстрее, что сейчас покажу!» – потащил за собой в чулан под темной лестницей, ведущей на третий этаж школы.

Там, в полумраке, Рене внезапно повернулся к Жоржу и уставился на него своими насквозь прожигающими угольно-черными глазами, в которых сквозили ненависть и желание, презрение и страсть...

Закушенные до крови и запекшиеся губы, красные пятна на шее и груди, растрепанные волосы и пылающие от стыда лица обоих курсантов – вот что увидели одноклассники после окончания того слишком памятного урока...

В тот же вечер он до крови подрался с Огюстом, а потом долго успокаивал своего сходящего с ума от ревности и ненависти друга, который всю ночь проплакал, так и не сомкнув глаз...

...Дантес испугался собственного долгого молчания и, повернув пылающее от слишком ярких воспоминаний лицо к барону, пробормотал:

– Извините, месье Геккерн... Я не... То есть я хотел сказать, да – а как же... ну... у всех же есть друзья, и у вас, наверное, есть...

Геккерн рассмеялся и, легко взяв Дантеса под руку, внезапно спросил:

– А чего это вы так перепугались, а, mon ami? Похоже, у вас снова поднялась температура!

Дантес, поперхнувшись, опустил глаза и стал рассеянно ковырять каменную плиту мостовой носком кожаной туфли.

– Вы, барон, относитесь ко мне как к ребенку. Не надо так думать, прошу вас – я давно уже не ребенок... Если бы вы знали, какой долгий путь мне предстоит проделать ко двору русского государя в Санкт-Петербург, вы бы так не смеялись надо мной! У меня есть рекомендательные письма от самого принца Вильгельма!

И Жорж снова почувствовал, что краснеет, потому что Геккерн внезапно от души расхохотался.

– Послушайте, mon cher, – начал он почти серьезно, – я не требую от вас отчета о вашем прошлом. Но, как видно, оно не дает вам покоя – это не страшно, это же правдивая история вашей души. Вы уже не ребенок – это точно, но юной душой можно и нужно гордиться так же, как и юным, совершенным телом. Вы – это только вы, Жорж Шарль Дантес, вы – уникальное творение природы, и... гхм... не худшее из ее творений, я бы сказал.

При этих словах Геккерн искоса взглянул на юношу и заметил жадное внимание, горевшее в его голубых глазах, которые были неотрывно устремлены на него. Барон слегка смешался под этим «почти детским» взглядом, но продолжал:

– Вот вы, Жорж, полагаете, что мне будут неинтересны рассказы о ваших школьных забавах... Да-да, я видел, как вы отвернулись, не желая говорить об этом. Полноте... я буду рад выслушать все, что вы мне расскажете о себе. Понимаете... мне кажется, что наша с вами встреча вовсе не была случайной.

Дантес молча слушал, рассеянно глядя на крутящийся на крыше дома флюгер в виде кораблика, и не верил своим ушам. Этот насмешливый господин с элегантными манерами, барон Геккерн, как выяснилось, был нидерландским посланником и тоже направлялся в Санкт-Петербург, с дипломатической миссией. Он успел сделать для него почти невероятное – не бросить его, смертельно больного, в забытом Богом Констанзе, поставить на ноги, оплатив все расходы на врача, и настоять, чтобы Жорж ежедневно совершал пешие прогулки на озеро. Сегодня, сразу же после изысканного обеда, Луи Геккерн позвал его на прогулку в город, чему выздоравливающий Дантес был несказанно рад.

Но ведь его дорожный экипаж давно починили, думал юноша. Чем же вызвана такая забота обо мне?

Глядя на барона, он испытывал невыразимое чувство благодарности, смешанное с печалью от предстоящей разлуки. Жорж успел искренне привязаться к барону и уже с трудом представлял себе, что может больше не увидеть его пронизательных темно-серых глаз, не услышать его искреннего – порой задушевного, порой ехидного – смеха, его мягких шуток в свой адрес. Но он же тоже едет в Россию...и, может быть, он мог бы сопровождать барона... Но захочет ли он... и что для него какой-то Дантес...

Громкая музыка отвлекла Жоржа от грустных мыслей, и он увидел, как молодые горожанки на площади отплясывают какой-то веселый танец под аккомпанемент скрипки и гитары. Одна из них, хорошенькая темноволосая девушка с цветком в волосах, внезапно подскочила

к Жоржу и, схватив его за руку, увлекла за собой в хоровод. Молодой человек с удовольствием включился в забавную танцевальную импровизацию, его стройные ноги взлетали над мостовой, четко попадая в простенький ритм немецкой народной песенки про белокурую Гретен. Очаровательная темноволосая незнакомка, которую Жорж крепко держал обеими руками за талию, хохоча и радуясь собственной смелости, подпевала незатейливой песенке нежным голосом, а остальные девушки, которым он не забывал улыбаться, не без зависти поглядывали на подружку, обнимающую красивого молодого человека в военной форме. Мелодия последний раз взлетела вверх финальным аккордом, и Жорж, поклонившись, галантно поцеловал руку даме.

Внезапно девушка порывисто обняла Жоржа и крепко поцеловала его в губы на глазах у всех, и смущенный Дантес, ахнув, не успел запротестовать. Его еще никогда в жизни не целовала женщина. Внезапно ему захотелось, забыв обо всем, стиснуть ее в объятиях, распустить по плечам тяжелые темные косы, украсть у нее из прически небрежно припиленный, как пойманная на лету бабочка, алый цветок...

К счастью или к несчастью, но озорная ведьмочка убежала, с хохотом вывернувшись из его объятий. Запыхавшийся и раскрасневшийся Дантес стремительно и с улыбкой крутанулся на каблуках, изобразив балетное па и разыскивая глазами своего спутника, но того нигде не было видно.

Геккерн ушел.

Обегав все кривые переулочки Констанза, уставший и проголодавшийся Дантес наконец решил вернуться в гостиницу. Над маленьким городком розовел вечер, а над озером уже клубился плотный туманный сумрак, наводя на мысли о таинственных озерных духах из старинных немецких сказок. Горожане закрывали свои лавочки и зажигали свечи в красивых, будто нарисованных на картинке домиках с красными островерхими крышами. Алый октябрьский закат темнел, сгущаясь, с горных вершин на маленький Констанз плотным саваном опускалась ночь, и озеро теперь казалось черным зеркалом, по гладкой поверхности которого ветерок небрежно гонял красные кленовые листья.

Старинный замок, одиноко возвышавшийся на крутой скале на правом берегу озера, был той самой гостиницей, где вот уже почти месяц жили Геккерн и Дантес. Жорж бегом преодолел расстояние, отделяющее его от тяжелых кованых ворот замка, и внезапно увидел Геккерна, стоящего у окна своей комнаты и пристально глядящего на него из окна.

Жорж остановился как вкопанный. Смущение и стыд боролись в нем с немедленным желанием помахать рукой барону, влететь к нему в комнату, смеясь и болтая, забраться с ногами в глубокое, мягкое кресло и выпить красного бургундского вина из погребов Фрица. Некоторое время они продолжали смотреть друг на друга, затем Геккерн отвернулся и отошел от окна. Совершенно сбитый с толку, молодой человек медленно побрел в гостиную, где был тут же обласкан, накормлен и напоен хлопотливой хозяйшкой, женой Фрица. Барон так и не появился, и Дантес, покосившись на запертую дверь его комнаты, отправился спать.

«Ну в чем дело? – рассуждал про себя Жорж, пытаясь понять причины странного поведения Геккерна. – Ну подумаешь, какая-то девчонка... Нет бы посмеяться, а он... Если он считает мое поведение недостойным, то я, разумеется, готов извиниться... Что он там говорил о юности, которая проходит, как краткий миг?»

Его глаза начали слипаться, и он приподнялся в постели, чтобы затушить свечу, как вдруг в дверь чуть слышно постучали.

Сердце Жоржа внезапно рухнуло вниз и забилось, как пойманный заяц; пальцы предательски задрожали, а голос тут же сорвался на крик:

– Барон, вы?

– Я. А вы еще не спите, мой друг?

Геккерн стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на него с выражением, которое могло и привидеться Дантесу, потому что в колышущемся пламени свечи глаза барона казались одновременно нежными и порочными, а взгляд манящим и в то же время испытующим. Жорж резко сел в постели, отбросив со лба непослушную светлую прядь, и смущенно и радостно уставился на барона, не веря своему счастью.

– О, барон, простите мне... я... я не хотел... Я вас искал потом, я все кругом обегал, а вы ушли... Я знаю, я вел себя недостойно, вам, наверное, было стыдно за меня, и эта девчонка – она просто...

– Дорогой Жорж, – с насмешливой улыбкой перебил его Геккерн, – перестаньте, друг мой, я просто не хотел вам мешать. Вы так прекрасно танцевали с этой вашей юной ундиной, что я, как и подобает человеку моего возраста, решил потихоньку удалиться, чтобы не стеснять вас своим присутствием. Я надеюсь, вы хорошо провели время?

Дантес залился краской, вспоминая темноволосую девушку и ее быстрый, похожий на укус поцелуй.

– Я и не думал, месье Геккерн... То есть я хотел сказать, что эта барышня совсем не в моем вкусе.

– А кто в вашем вкусе? – Барон все еще продолжал улыбаться своей странной, волнующей улыбкой, поглядывая на Жоржа из-под полуопущенных век, и Дантес поспешно опустил глаза, в который раз уже отметив про себя, какой красивой формы у него рот.

Глаза Геккерна казались совсем черными в полумраке комнаты, и Жорж невольно подумал: «Как жаль, что он стоит так далеко...»

– Я совсем не хотел смущать вас, мой дорогой Жорж. Простите мне этот нескромный вопрос. Я только хотел пожелать вам спокойной ночи.

– Барон...

– Да?

– Я хотел спросить... Я, наверное, задерживаю вас?... Ваш экипаж давно уже починен, и мне не хотелось бы думать, что вы из-за меня остались в этой глуши...

Внезапно Геккерн сухо и холодно рассмеялся, и его взгляд тут же стал сосредоточенным и острым.

– С чего вы взяли, Жорж, что кто-то, кроме меня, имеет право распоряжаться моим собственным временем? Только я решаю, насколько те или иные вещи имеют для меня в жизни смысл. И что стоит моего внимания и времени, а что – *нет*. Так вот, я хочу, чтобы вы знали – все, что я делаю, я делаю *только* по собственной воле. И рекомендую вам впредь с таким же вниманием относиться к собственным желаниям и решениям.

– Барон... я чем-то вас обидел?

Взгляд Геккерна смягчился, и он наконец отошел от двери, подойдя почти вплотную к изголовью кровати Дантеса. Жорж повернулся, почувствовав, как серые глаза барона впились в его затылок, и совсем по-детски сказал:

– А вы не могли бы... просто поцеловать меня... на ночь?

Геккерн с усилием облизнул вмиг пересохшие губы и на негнущихся ногах подошел совсем близко к Жоржу.

– Спи, мой мальчик, – сказал он нежно, и в эту секунду руки Жоржа обвились вокруг его шеи, притянув к себе. Геккерн издал полустон-полувсхлип, быстро перехватив руки юноши в свои, и, наклонившись к нему, прошептал: – Спите, Жорж... вы... вы еще не вполне здоровы.

Стремительно развернувшись, Геккерн быстрыми шагами вышел из комнаты.

Свеча от этого резкого движения колыхнулась и погасла, и комната погрузилась в ночной мрак.

Глава 2

Отъезд

*Очнулись наши души лишь теперь,
Очнулись – и застыли в ожиданье;
Любовь на ключ замкнула нашу дверь,
Каморку превращая в мирозданье.
Кто хочет, пусть плывет на край земли
Миры златые открывать вдали —
А мы свои миры друг в друге обрели.
Ты рядом... я с тобой... глаза в глаза —
Два полушарья карты безобманной:
Как жадно наши пылкие сердца
Влекутся в эти радостные страны!
Есть чувства, что на смерть обречены,
Но если наши две любви равны,
Ни убыль им вовек, ни гибель не страшны.*
Джон Донн

Барон Луи Геккерн не любил поспешных выводов. Особенно если это касалось сферы его эмоций, которую он давным-давно привык запирать на замок. В конце концов, он же не мальчишка, как этот белокурый французик, Жорж Дантес, и должен вести себя соответственно. Что он себе позволяет, этот юный нахал, и почему он, барон Геккерн, не может поставить его на место?

Вообще, а что тебе нужно от Жоржа, а, Луи?

Вопросы. Геккерн перевернулся на другой бок и уткнулся горячим лбом в прохладный край подушки. Впрочем, на этой подушке уже почти не осталось *холодных* мест.

Барон резко вскочил и, закулив уже пятую за ночь сигару, стал снова мерить шагами просторную комнату, стараясь не шуметь и не свалить что-нибудь на пол в кромешной тьме. Он скосил глаза на красную точку огонька на конце сигары и невесело рассмеялся собственным мыслям.

Надо уезжать. Он уведомил посольство Нидерландов в Санкт-Петербурге о своем прибытии почти месяц назад. Нельзя больше медлить с отъездом, потому что в этой далекой, холодной и не очень приветливой к иностранцам России скоро начнется долгая и суровая зима. Геккерн хорошо помнил ту зиму 1823 года, когда ему пришлось поработать секретарем при посольстве. Н-да-а-а... И еще теперь этот Дантес.

«Ах, я не умру, милый барон? Вы же меня спасете, правда?»

Ты ночи из-за него не спал, идиот, сидел рядом с его постелью, ни на шаг не отходя – зачем, зачем? Он хлопает своими голубыми глазками, глупый щенок, а ты, дурак старый, вместо отеческих чувств готов был уже распустить слюни и сопли и... вообразить бог знает что.

Размечтался...

Геккерн быстро потушил сигару. При одном воспоминании об этой немецкой шлюшке, которая так вцепилась в Жоржа своими грязными ручонками, ему стало совсем дурно. На ощупь, в темноте, он нашел графин с водой и стакан и, налив себе доверху, жадно выпил. Плохо контролируемая ярость хлестнула его по глазам, отозвавшись огневой точкой в сердце, слезы готовы были хлынуть из его глаз, но он сдержался, обругав себя для верности самыми грязными словами, какие знал, и решительно улегся в постель.

Уезжать. Завтра же. К черту этого белобрысого сопляка, пусть служит солдатом в гвардии и таскается за девками...

Заснуть, впрочем, ему так и не удалось.

– ...Месье Геккерн! Господин барон!

Луи поднял голову. Из раскрытого настежь окна второго этажа, почти свесившись на улицу, высунулся голый по пояс Дантес, сонный и растрепанный. Первые лучи солнца, только что пробившие белый утренний туман, окрасили нежную кожу юноши в розовый цвет, золотыми бликами играя на его волнистых волосах...

Сердце Геккерна взметнулось и упало.

Не смотри на него... не смей...

– Прощайте, Жорж. Я уезжаю, – как можно суше сказал барон, упорно игнорируя умоляющие взгляды Дантеса.

– Подождите! Вы не можете так уехать! Умоляю, подождите, барон! Я сейчас... я мигом...

Внизу хлопотали слуги, загружая дорожный экипаж посланника многочисленными чемоданами, крутился сам хозяин, довольно потирая озябшие красные руки – столько денег он давно ни от кого не получал. «Его сиятельство господин барон» заплатил за себя и за этого французика, с которым он так носится вот уже целый месяц, почти годовую его выручку. «Вот повезло мальчишке», – думал Фриц, командуя тремя рослыми мужиками, грузившими чемоданы. «Но теперь все, красавчик, – их сиятельство больше не вспомнят о тебе...»

На голых плечах Дантеса мешком висела серая форменная шинель, поминутно сползая и падая на сухие опавшие листья; он зябко поежился и повел плечами. Слезы стояли у него в глазах, когда он подошел к посланнику и, опершись о дверцу кареты, как бы случайно загордил рукой проход.

– Господин Геккерн... Я просто хотел попрощаться... Вы же не можете так уехать... Я... – Внезапно ссутулившись и опустив глаза, Дантес замолчал. Шинель снова упала, но он даже не пошевелился, чтобы убрать руку с дверцы. Геккерн, не в силах оторвать глаз от изящной, с хорошо развитой мускулатурой, фигуры молодого человека, на мгновение онемел, но тут же овладел собой.

– Жорж? Немедленно оденьтесь... Вы же замерзнете! – Голос его дрогнул, в потемневших от нахлынувших чувств глазах появилось выражение мучительного, почти яростного отчаяния, с которым он тщетно пытался совладать. Еще секунда – и ему придется отвернуться и немедленно отойти подальше, убежать, спрятаться, чтобы золотоволосый французик не видел его в смятении и растерянности, быть может, даже в слезах, отчаявшимся и раздавленным...

Белокурый мальчик совсем по-детски всхлипнул и неожиданно, совсем как накануне, прижался к барону всем телом, крепко обняв его за шею. Ему явно было очень холодно, и его худая голая спина покрывалась мурашками от холода.

– Я умоляю вас... не забывайте меня... Я... быть может, вы вспомните обо мне в Петербурге и мы еще увидимся? Я так вас... благодарю...

Последняя фраза далась ему совсем уже с трудом, и он, не в силах более сдерживаться, разрыдался на плече у Геккерна.

Геккерн, осторожно высвободившись из объятий Жоржа, быстро отвернулся, чтобы Дантес не видел выражения его глаз, поднял все еще лежащую на холодной земле шинель и накинул на плечи юноши. *Ты сам этого хочешь, Жорж... в таком случае...*

– Собирайтесь *mon cher*, – твердо сказал он. – Мы едем вместе... если, разумеется, вы не против. Сколько времени вам нужно на сборы?

Дорожная карета весело катила по дорогам Германии, приближаясь к польской границе. Погода явно благоприятствовала двум путешественникам, которые, казалось, никак не могли наговориться друг с другом. Счастливый Жорж болтал без умолку, развлекая барона рассказами о своем детстве в Сульце и о военном училище в Сен-Сире, опуская, впрочем, некоторые особо пикантные моменты. В свое время он и его приятель Огюст увлекались рисо-

нием, – правда, рисунки Огюста были более детально выписаны, его линии отличались даже некоторой вычурностью и усложненностью. Что же касается Жоржа, то его наброски были более лаконичны, а рисунки больше похожи на шаржи – смешные и не злые. Он без конца рисовал Геккерн – в профиль и анфас, отдельно кисти рук, отдельно глаза, и при этом, если карета застревала или подпрыгивала на ухабах, он бросал карандаш, заливаясь смехом, и говорил, что «гениальному художнику нужны более комфортные условия». На этих карандашных набросках Геккерн видел себя молодым и смеющимся и не переставал удивляться – неужели Жорж действительно видит его *таким*! Он не любил свое отражение в зеркале и часто даже не мог смотреть на себя, поспешно отводя глаза. А Дантес недавно сказал ему:

«У вас такие удивительные глаза, барон... темно-серые и почти овальные. Это так красиво! Вы ведь знаете, да?» Краснеть Геккерн давно разучился, но в тот момент прилив крови к лицу был слишком очевиден, чтобы пройти незамеченным...

Сам Жорж отличался удивительным бесстыдством, как маленький и абсолютно непосредственный ребенок. Чего стоила одна его привычка спать голым... Он говорил, что в Сен-Сире их приучали к спартанскому образу жизни и заставляли спать в нетопленной комнате под одной только тонкой простыней. Геккерн закрыл глаза, представив молодого человека спящим без одежды, и во рту у него мгновенно пересохло. Жорж постоянно брал барона за руку, переплетая его пальцы со своими, чем доводил Геккерн почти до сердечного приступа, мог с разбегу броситься ему на шею, как в тот раз, когда они пошли покупать ему одежду в дорогом магазине. У мальчишки почти не было денег, и, конечно, тех ста луидоров в год, которые посылал ему отец, ему ни на что не хватало. Он с любопытством разглядывал каждую симпатичную девушку, попавшую в поле его зрения, и говорил такие вещи, что барон не знал – хохотать ли ему до упаду или прочитать юному болтуну лекцию о правилах хорошего тона. В остальном же он был почти безупречен, его манеры отличались изяществом, речь была правильной и светилась живым умом и мягким юмором, и его образованность не вызывала сомнений.

Еще меньше сомнений вызывали рекомендательные письма, которые юный Дантес вез с собой в Россию. У него в Санкт-Петербурге были дальние родственники – Мусины-Пушкины, а у них в хороших знакомых ходила Долли Фикельмон, внучка Кутузова, молодая, но уже весьма влиятельная особа. Геккерн прекрасно знал, что прибывшему в северную столицу Жоржу придется сдавать экзамены для того, чтобы его приняли в гвардию, но в любом случае он поступал на службу простым солдатом. Барон искоса взглянул на смеющееся лицо своего друга и отметил, что офицерский мундир будет гораздо больше к лицу Дантесу, чем солдатская шинель... «Ладно, – подумал он, – посмотрим, что можно сделать, чтобы ты сразу стал *офицером царской гвардии*, *mon cher*...»

На следующий день они сели на пароход «Николай I» в Любеке, который должен был уже через три дня доставить их в Кронштадт.

Море штормило, дул сильный, порывистый ветер, и большинство пассажиров мучились от тяжелых приступов морской болезни, часами не выходя на палубу из своих кают. Барон, который когда-то служил офицером на флоте, совершенно не замечал качки, уверенно держась на ногах; Жорж, не переставая восхищаться Геккерном, выглядел не столь хорошо и почти ничего не ел.

В ярко освещенной гостиной «Николая I» тонко играла скрипка, мелодию подхватывал старинный рояль, и музыка петляла и кружила, как лисьи следы на свежем снегу. Всклипы скрипки, как эхо, повторяли тихие вздохи рояля; минорные, с оттенком осенней грусти аккорды наполняли просторную, богато украшенную залу в красноватых тонах. Пассажиры первого класса, не страдающие от морской болезни, прохаживались по зале или сидели за бокалом шампанского в глубоких, обитых алым бархатом креслах. Трое молодых людей собирались играть в вист, а четвертым стал подошедший к началу игры Дантес. Вино лилось рекой, шутки громко хохочущей четверки становились все развязнее, и вскоре дамы стали неблаго-

склонно поглядывать в сторону молодых людей, которые ни разу не повернулись, чтобы оценить их вечерние туалеты.

– Они забывают о приличиях!

– Martian, он такой красавчик... вот этот блондин с голубыми глазами...

– Элен, нельзя так пялить глаза на мужчин. К тому же этот мальчишка, кажется, пьян!

– Я и не думала, тамап, вам показалось...

Смешливая круглолицая девушка в сопровождении бледной и увядающей матушки, явно старающейся держаться прямо между двумя приемами пилюль от тошноты, последний раз кинула красноречивый взгляд в сторону белокурого француза и была уведена из залы. В дверях они почти столкнулись с хорошо одетым худощавым иностранцем лет сорока, который смерил обеих пронзительными серыми глазами и, как показалось тамап, слегка скривил губы.

Барон Геккерн потерял Жоржа из виду два часа назад и, решив, что он спит, на всякий случай заглянул в его каюту. Молодого человека там не оказалось, и барон очень скоро обнаружил его в большой зале красной гостиной за карточным столом, вистующим с тремя молодыми русскими денди, самоуверенными и нахальными, явно не страдающими от морской болезни.

– Вы опять проиграли, господин Дантес! – от души хохотал один из них, почти ровесник Жоржу, темноволосый, с нежным девичьим румянцем и ямочками на щеках, наливая проигравшему Дантесу очередной бокал шампанского. Дантес казался совершенно сбитым с толку, пытаясь что-то доказывать сидевшему напротив молодому человеку чуть постарше, с широко расставленными прозрачными глазами, которого юноша с ямочками называл Piègre.

– ...ладно, если у вас нет денег, тогда сделаем следующее... – И, наклонившись слишком близко к уху белокурого Жоржа, что-то прошептал, слегка кривя в гнусной усмешке красивый, по-юношески яркий рот.

Дантес порывисто встал и, схватив обидчика за шиворот, вплотную притиснул его к стене.

– Вы наглец, сударь! Я вызываю вас! Вы ответите мне за оскорбление! – Его лицо пылало от гнева, огонь в голубых глазах, казалось, должен был испепелить негодяя Пьера.

– Что здесь происходит, могу я знать? – раздался совсем рядом ледяной голос Геккерна, который наконец оторвался от созерцания забавной сценки и быстро подошел к столу. Дантес, уже готовый было дать пощечину Пьеру, мгновенно сник, как нашкодивший школяр. Пьер, заметно прихрамывая, отошел в сторону, скрестив руки на груди, и не без злорадства уставился на «семейную сцену».

– Б-барон... Простите... я... мы играли, и я...

– Ваш папа? – с иронией спросил Пьер, не сводя с молодого человека насмешливого взгляда. Дантес покрутил головой, затем почему-то кивнул. Остальные двое громко расхохотались.

Геккерн молча кинул на стол проигранную сумму и, повернувшись, быстро вышел из примолкшей гостиной.

– Я не просил вас платить за меня, Луи!

Геккерн повернул голову к юноше, который от выпитого вина еле держался на ногах, и тихо поинтересовался:

– Что он от тебя хотел, Жорж?

– Н-не надо об этом! Я сам должен решать подобные вещи, барон! – *мальчишку явно развезло*, подумал Геккерн. *Ну что ж... послушаем... любопытно.* – Я сам в ответе за свои пос-с-тупки, в-вам понятно? – заплетающимся языком произнес Жорж. – Он хотел... хотел, чтобы я... Нет, не надо, прошу вас, я не могу...

Стоя по обе стороны узкого, полутемного коридора, ведущего к каютам пассажиров первого класса, Геккерн и Дантес уставились друг на друга в изумлении. Больше всего Дантесу хотелось сейчас повиснуть на шее у барона и, попросив прощения, заснуть... у него на плече.

Блестящие, ставшие вмиг влажно-серыми, продолговатые глаза Геккерна, впрочем, выдавали гораздо более потаенные намерения.

– Жорж?.. – тихо окликнул он внезапно замолчавшего юношу. – Хотите, я покажу вам, чего именно хотел от вас этот высокомерный наглец?..

...Луи, улыбаясь, вновь отошел к противоположной стене и, невозмутимо сложив руки на груди и чуть склонив голову, поглядывал на юношу из-под полуопущенных век.

Жорж остался стоять у стены один задыхаясь и едва держась на ногах.

– Луи... – хрипло прошептал Жорж, все еще тяжело дыша. – К-как вы догадались? И что вы делаете со мной? А почему вы улыбаетесь – я сказал что-то смешное, да? – Он сейчас был похож на обиженного подростка, готового расплакаться от обиды и негодования.

– Да вы пьяны, друг мой, – насмешливо произнес Геккерн, с трудом переводя дыхание. – Пойдемте, я провожу вас в вашу каюту.

– Я вам не игрушка, барон! – выкрикнул Дантес, шатаясь, и резко оттолкнул подставленную бароном руку. – Вы думаете, я не смогу дойти один? Спокойной ночи!..

Вмиг протрезвевший и страшно раздосадованный Жорж бегом помчался вниз по лестнице. Луи услышал, как громко хлопнула дверь его каюты.

Не ходи за ним... пусть проспится... о-о-о, какой он красивый, когда злится, Боже...

...Наутро они молча завтракали на верхней палубе, избегая глядеть друг на друга. Всю ночь не сомкнувший глаз Геккерн выглядел осунувшимся и почти больным. Жорж, искоса поглядывая на барона, не знал, о чем говорить, хотя еще вчера вечером ему казалось, что он может рассказать Геккерну о себе абсолютно все.

– Я хотел бы просмотреть ваши рекомендательные письма, Жорж, – сухо сказал Луи, допивая кофе. Солнце, вышедшее из-за туч, заглянуло ему в лицо, и он непроизвольно прикрыл глаза рукой. «Улыбнись!..» – мысленно молил его Дантес, не отрывая взгляда от его лица.

В этот момент на палубе произошло какое-то движение, раздался звонкий детский смех, и двое мужчин увидели, как к их столу несется серебристый карликовый пудель, стремительно убегая от своей маленькой хозяйки в светло-голубом шерстяном платье с золотыми пуговицами. Ребенок, хохоча, ловил свое сокровище под охи и ахи молоденькой татап и гувернантки, которые явно не знали, что делать с расшалившимся дитятей. Ловко подпрыгнув, пудель стянул со стола Жоржа ломоть ветчины и, весьма довольный добычей, потащил его к краю палубы.

Геккерн от души расхохотался, закинув голову. Молодая дама и ее служанка немедленно начали извиняться, но юный Жорж никак не мог отсмеяться – как будто пружина, не отпускаявшая его со вчерашнего вечера, наконец-то лопнула и распрямилась. Покрасневшая дама, поймавшая наконец маленькую беглянку в голубом платье, начала что-то громко выговаривать ей по-русски, девчушка обиженно надула губки и отвернулась. Пудель отделался легким выговором и двумя шлепками повыше хвоста. Не перестававший улыбаться барон повернулся к Жоржу, встал из-за стола и, взяв его под руку, увлек к себе в каюту. Проходя по коридору, они столкнулись с вчерашними обидчиками Жоржа, и Пьер, не сводя с Дантеса зеленоватых нахальных глаз, скривившись в ухмылке, подчеркнуто вежливо поздоровался. Второй, с темными кудряшками и ямочками на щеках, сдержанно кивнул и отвернулся. Жоржу, впрочем, было не до них, и он, едва ответил на приветствие, почти не повернув головы.

«Что он будет делать? – вертелось в голове у Дантеса, когда он на ватных ногах спускался в каюту вслед за бароном. – Что он за человек, этот Луи? И что он делает со мной... и почему, почему я так привязался к нему? Если бы он только знал...»

– ...и просмотреть все до единого, – сухо и деловито закончил Геккерн, раскладывая на столе бумаги Жоржа, чья голова была занята совершенно другими вещами. – А, вот и оно... замечательно... письмо для генерала Адлерберга. Ну что ж... Вам предстоит сдавать экзамен в начале следующего года, в январе, и придется много заниматься. Будем надеяться, что с такой

протекцией, какую вам любезно оказывает Адлерберг, комиссия не будет слишком пристрастной. Как вы знаете, нужно еще написать прошение на имя государя, чтобы вас могли принять на царскую службу. Я думаю, что смогу заняться этим сам и отправить его непосредственно из голландского посольства, что в значительной степени облегчит ваши...

Дантес рассеянно слушал его, склонив светлую голову, и думал, что теперь они, вероятно, не смогут видаться так часто, как ему бы хотелось... Он знал, что барон будет жить в апартаментах в посольстве Голландии, а ему родственники заранее наняли комнаты на Галерной. «Интересно, это далеко от посольства?» – думал Жорж, не забывая кивать в ответ и сосредоточенно грызть кончик карандаша. И кто будет его командиром? И как он будет ладить с русскими офицерами? По своей природе он был веселым и общительным молодым человеком, которого всегда любили и в школе, и в военном училище.

Да... любили...

– ...к вашим родным, – закончил свою мысль Геккерн.

Жорж вздрогнул, как будто его застучали за неблагоприятным занятием, и поспешно кивнул. Геккерн, внимательно взглянув на своего юного протеже, озабоченно спросил:

– Сколько у вас с собой денег, Жорж? Только не надо, прошу вас, говорить мне, что вы ни в чем не нуждаетесь – я все равно не поверю. Давайте сразу договоримся – я беру на себя оплату ваших расходов, о чем непременно сообщу вашему отцу, как только мы приедем в Петербург.

– Нет!

– Да.

И вслед за этим не допускающим возражений «да» руки Дантеса немедленно обвилились вокруг шеи чуть не потерявшего сознание Геккерна.

– Не нужно меня благодарить... п-подобным образом, Жорж. – Ему внезапно стало тяжело дышать, и он поспешно опустил глаза, отвернувшись в сторону. – Я ведь не железный... И могу неправильно вас понять...

– Луи... я прошу вас... не отталкивайте меня, умоляю...

Дантес, продолжая обнимать его, растерянно, как ребенок, разрывая ему сердце, смотрел на него мокрыми от слез синими глазами.

– Вы не должны так вести себя со мной, друг мой, – задыхаясь, прошептал Геккерн. – Я старше вас, и для меня это не игрушки... пустите... я не собираюсь тешить ваше юношеское тщеславие, Жорж! То, что вам кажется невинной мальчишеской забавой, слишком серьезно для меня... Мне никогда не нравились женщины... впрочем, я думаю, вы и сами это поняли. И поэтому вы, Жорж... держитесь от меня подальше... я не хочу... связывать вас...

– А я хочу... быть с вами...

Время остановилось, волны застыли на гребне, свинцовые тучи перестали двигаться дальше, в сторону одетой в гранит северной столицы, а холодное, мрачное и серое, как солдатская шинель, одиночество осталось за бортом, уплывая в прошлое небрежно сложенным из газетной бумаги и всеми забытым корабликом...

Глава 3

Котильонный принц

*Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*
М.Ю. Лермонтов

I am the love that dare not speak its name...
Lord Alfred Douglas¹

Долли, ну что вам стоит? Все знают, что вы у нас Сивилла Флорентийская... ну прошу вас...

Долли Фикельмон, хозяйка модного петербургского салона на Дворцовой набережной, весело посмотрела в полные нетерпеливого ожидания темные глаза Машеньки Вяземской.

– Мари, дорогая, можете даже не сомневаться – вы наверняка будете счастливы с вашим Пьером. Петечка Валув – чудный мальчик, подающий надежды... настоящий фавн, кстати, так что считайте, что вам очень повезло... Вы такая очаровательная пара, все это видят, Мари, не краснейте, не надо... Какое красивое платье было на вас в театре в прошлый четверг! Красное вам к лицу... Еще мороженого?

– Ну вы же гадали Натали Гончаровой, помните? На Рождество? Но она так надеется, что вы ошиблись... – не унималась Машенька, не переставая при этом стрелять глазами в сторону двух молодых кавалергардов, которые охлаждались шампанским в перерыве между мазуркой и котильоном. В руках она сжимала изящную бальную книжечку и костяной веер, ее милое, раскрасневшееся от мазурки личико сияло юной прелестью и лукавством.

– Это Натали вам сказала? Но вообще-то я редко ошибаюсь, – задумчиво пожала плечами Долли, приложив бокал с ледяным шампанским к разгоряченной щеке. – И можете думать, что я слишком самоуверенна... Но у Натали такое трагическое лицо... Ее левая бровь приподнята и несколько асимметрична по отношению к правой, в глазах иногда проскальзывает тоска... Лицевая асимметрия, кстати, иногда говорит о коварстве больше, чем о скуке... Впрочем, с таким супругом, как Пушкин, вряд ли можно заскучать! – Долли вдруг весело и звонко расхохоталась, сморщив носик и отставив в сторону стремительно теплеющее шампанское.

– Вы позволите? Следующий танец мой, прекрасная Сивилла! – Молодой офицер серьезно и умоляюще глядел на темноволосую Долли – светскую красавицу в лиловом платье, отделанном черным кружевом. Мимоходом взглянув на себя в огромное старинное овальное зеркало в витой раме, она быстро поправила приколотый к вырезу платья букетик пармских фиалок и взяла офицера под руку.

– О да, Андре, друг мой. Как и договаривались, котильон – ваш!

В вихрь котильона, закруживший в снежной февральской ночи Долли и посетителей ее модного салона, не попали только те гости, которые сейчас собирались на партию в покер. Среди них были барон Геккерн, молодой князь Иван Гагарин и его приятель Пьер Долгоруков, в которых Жорж Дантес сразу же, залившись краской, узнал «того самого Пьера и Жана», с

---

¹ «Любовь, которая не смеет назвать себя...» – это строчка из поэмы, которую лорд Альфред Дуглас (Бози) посвятил О. Уайльду. – *Примеч. авт.*

которыми они плыли на пароходе из Любека, и виконт Оливье Д'Аршиак, сотрудник французского посольства. Жорж, ни на секунду не отводя глаз от сероглазой хозяйки светского салона, умудрялся любезничать со всеми барышнями подряд, приводя в трепет их нежные сердца и кружа юные головки. Не было ни одной красотки, которой он не сказал бы изысканного французского комплимента, не поднес бы холодного лимонада и не поцеловал ручку. Танцевал он изящно и легко, все его движения были отточены и удивительно грациозны, отчего Мари Вяземская сравнила его со «звездой последнего балета».

– Угу, – не совсем учтиво поддакнул уже изрядно перебравший шампанского с водкой князь Долгоруков, – наш красавчик Жорж – прямо Истомина в эполетах! Ножки только побрить и губки подкрасить!

Гагарина душил смех, но он не решился откровенно расхохотаться над выходкой своего приятеля в присутствии Геккерна. Барон метнул на юношу косой и явно враждебный взгляд, но тот, ничего не заметив, продолжал сдавать карты.

Последние аккорды котильона растаяли в хрустальных отражениях свечей на вошеном паркете, но атласные бальные туфельки продолжали легко кружить, их хозяйка порхала как бабочка вокруг белокурого кавалергарда.

– Ах, Жорж! – Шестнадцатилетняя Мари Бярятинская, которую только начали выводить в свет, заглядывала в глаза Дантесу и непрерывно хихикала. – Вы так забавно рассказываете! Ну, расскажите еще раз, как вы поступали на государеву службу! Про экзамены... – помните?... О, *Idalie*, какой сюрприз. – Последняя фраза относилась к молодой медноволосой даме с яркими, почти кошачьими, изумрудными глазами на нежно-розовом фарфоровом личике, которая только что приехала со своим мужем, гвардейским капитаном Александром Михайловичем Полетикой. Быстро обежав глазами залу и найдя Дантеса, она придала своему лицу выражение томной грусти, моментально оказавшись рядом с ним, и, снисходительно кивнув мадемуазель Бярятинской, пропела ангельским голосочком:

– Да, все только и говорят о том, как вам, мой дорогой Жорж, удалось поступить в гвардию сразу офицером... Впрочем, я несколько не сомневаюсь в ваших исключительных способностях, *mon ami*.

– Я верю в свою счастливую звезду, дорогая *Idalie*, – улыбнулся офицер, целуя белую ручку Идалии Полетики, затянутую в кружевную перчатку. – Ведь она подарила мне встречу с вами...

Машенька Бярятинская слегка надула по-детски пухлые губки, понимая, что тягаться в тонком и изысканном искусстве кокетства с мадам Полетикой ей вряд ли под силу. Впрочем, она не думала так быстро сдаваться.

– Жорж, – вновь хихикнула она, демонстрируя острые беленькие зубки, которые в сочетании с мягким вздернутым носиком делали ее похожей на белочку, – но вы же мне обещали... – И она слегка ударила юношу веером по руке.

– Ну конечно, мадемуазель Мари... ой, было действительно ужасно смешно... Я стою, представьте, как полный дурак посреди этой аудитории, сидит комиссия, лица у всех та-а-а-кие строгие... и тут генерал Сухозанет задает мне вопрос: «Какая река протекает через Мадрид?» Я волнуюсь, ничегошеньки уже, разумеется, не помню... – тут Дантес для большей убедительности закатил глаза, – что отвечать, я представления не имею, а они все так смотрят... А морды... ой, *pardon*, я хотел сказать – *лица* – у всех вот такие. – Дантес скорчил презабавнейшую рожицу, вытянув физиономию. – Мне было так стыдно... Не-вы-но-си-мо... Я готов был от стыда провалиться сквозь землю, спрятаться...

Внезапно Дантес, присев на корточки, спрятался за широкой юбкой зеленого шелкового платья Идалии и, ухватив руками складки ее платья, зарылся в них лицом, изображая, видимо, жгучий стыд и раскаяние. Хохочущая Идалия, пытаясь вырваться, оступилась и непременно упала бы, если бы не Жорж, немедленно подхвативший ее на руки. Впрочем, судя по хищ-

ному выражению ее лица, напоминавшего кошку, только что поймавшую крупную мышь, ей нисколько не досаждала эта милая и невинная возня.

– ...и тут я говорю, – продолжал Жорж, млея под нежными взглядами обеих дам, – честно говорю – ну не знаю я, что там за река! Но точно помню, что купал там свою лошадь...

Обе дамы вновь покатались со смеху. Впрочем, по едва уловимому движению их изящных ручек можно было догадаться, что обе сей же час готовы заменить веера на пистолеты.

Тур вальса Дантес танцевал с Идалией, замечая, какие взгляды бросают на них завсегда-таи салона. Идалия не отрывала от молодого *chevalier garde* своих ярких темно-зеленых глаз, шутила, смеялась, закидывая голову, нервно поводила красивыми плечами, всячески показывая, что Жорж Дантес принадлежит ей и только ей одной. Барон Геккерн, искоса поглядывая на своего юного друга, деланно улыбался и шутил, выигрывая у Гагарина и Долгорукого уже вторую партию подряд. Оба молодых человека, ни на секунду не расстающихся друг с другом, были изрядно пьяны, и обыграть их Луи не составляло труда. Он подливал этой парочке вина и вдруг заметил, что князь Пьер довольно развязно подмигнул ему.

– А признайтесь, дорогой барон, что без вашего нежного участия нашему салонному принцу ни за что бы не попасть в кавалергардский полк ее величества, – криво ухмыляясь, заявил Пьер Долгоруков. – Все-таки красивая внешность – это почти залог успеха... независимо от наличия мозгов. А кто у нас начальник? По-моему, эта божья коровка капитан Полетика... муж нашей прекрасной *Idalie*...

Гагарин, не сдержавшись, захихикал, закрыв лицо руками. В темно-серых глазах Геккерна полыхнула с трудом сдерживаемая ярость, но он спокойно сказал:

– Дорогой Пьер, лично мне вы и ваш друг тоже кажетесь удивительно привлекательными... независимо ни от чего. Где вам сделали такую чудную прическу, господин Гагарин? Выющиеся волосы – как это красиво... По внешности, конечно, трудно судить о людях – и все же мы ведь говорили именно о ней, не правда ли? Выводы можете делать сами... и не забудьте про карточный должок. Впрочем, всегда рад видеть вас обоих у себя... я живу в апартаментах при голландском посольстве. Виконт... рад был познакомиться.

Молодой человек, чуть полноватый, не очень прислушивался к развязной болтовне Долгорукова и Гагарина, а внимательно следил за игрой. Правда, противостоять карточной хватке Геккерна у него явно не хватало опыта, но внимания ему было не занимать.

Барон, встав из-за стола с зеленым сукном, быстро отошел к своему старому приятелю Отто Брею, поверенному в делах баварского посольства. Взяв с подноса шампанского себе и другу, Геккерн издали наблюдал за Жоржем, изо всех сил пытаясь прислушиваться к тому, что рассказывал ему Брей, и невпопад кивая. Сердце его разрывалось от невозможности подойти к своему белокурому другу, усердно развлекавшему красивых молодых дам.

...Луи, а ты умеешь расстегивать пуговицы языком?..

Геккерн поспешно закрыл лицо руками, закашлявшись, и поднял влажные глаза на Брея. Тридцатилетний дипломат, усмехнувшись, подал Геккерну бокал вина и, проследив направление его тоскующего взгляда, насмешливо сказал:

– Этот ваш юный друг совершенно очарователен, барон... Надеюсь, вы нанесете мне визит с вашим протеже?

Луи быстро опустил глаза и кивнул, стараясь больше не поворачивать голову в сторону Дантеса.

...Юный шутник Долгоруков наконец поднялся из-за стола и скользящей, чуть прихрамывающей походкой направился к Дантесу. Жан Гагарин, недобро усмехнувшись и прищурился, отвернулся к Д'Аршиаку и стал расспрашивать его о недавней свадьбе его сестры.

– Готов поспорить, милостивый государь, – нарочито громко начал Пьер, – что вы и маркиз де Пина, который вместе с вами был принят в гвардию, имеете высоких покровителей. – Жорж удивленно поднял бровь, но ничего не ответил. – Что ж... если учитывать, что вашим

непосредственным начальником является господин Полетика, то дальнейшее ваше продвижение по службе зависит только от ваших успехов в... – Пьер, не сводя нахальных глаз с Дантеса, наклонился и, почти касаясь губами мочки его уха, кривя в гнусной усмешке слишком правильный, идеально очерченный рот, прошептал ему несколько слов.

Дантес вспыхнул и отчаянно покраснел, мгновенно вспомнив их перепалку на «Николае I».

– Вы негодяй, князь! Но я не намерен разбираться с вами здесь, в присутствии дам! По какому праву вы позволяете себе оскорбления в адрес госпожи Полетики, не говоря уж обо мне? Завтра жду вас ровно в десять утра у заставы! Пришлите мне своего се...

– Немедленно прекратите, Жорж! – быстро прервала пылкую речь юноши внезапно появившаяся Идалия. – Он просто шутит! Кто же не знает нашего милашку Пьера? Он просто ревнует вас к Жану! Или к месье Геккерну. Жаль, что не ко мне... – Красавица расхохоталась, весьма довольная своей шуткой. – Ведь правда, князь? – насмешливо спросила грациозная рыжеволосая кошка, лениво поводя точеными плечами.

Вмиг протрезвевший Долгоруков смешно сверкал глазами, готовый голыми руками растерзать дерзкую рыжую обидчицу. Растерянный и окончательно сбитый с толку Жорж поискал глазами Геккерна и, не найдя, впал в расстройство, граничащее с истерикой. Он совершенно запутался в сложных взаимоотношениях Пьера, Жана, Идалии – да и всех остальных присутствующих на приеме гостей. Он чувствовал себя потерянным и совершенно лишним среди этого сияющего волшебными огнями бесконечного круговорота звезд. Больше всего ему сейчас хотелось немедленно найти Луи, сесть в его экипаж, прижаться к нему и уехать в его уютную квартиру на Английской набережной...

Луи, его прекрасный друг, его спаситель, ради которого он был готов на все – стреляться на дуэли, пойти в солдаты, воевать на Кавказе...

– Я требую, чтобы вы немедленно извинились перед месье Геккерном, слышите, князь? – почти кричала рыжая Идалия. – Иначе я всем расскажу про ваше продажное увлечение генеалогией, и не только...

Нахальный Хромоножка смертельно побледнел и, искоса взглянув на князя Гагарина, привычно скривил губы в беззлую гримасу.

– *Idalie*... ну, не сердитесь на Пьера, – примирительно сказал Гагарин, смущенно пригладив свои выющиеся волосы и пряча глаза. – Ну что вы хотите от пьяного Петеньки! Господин Геккерн?... простите, я не ослышался? Мне показалось, что у вас другая фамилия...

– Моя фамилия Дантес.

– Ах да! – не унимался Пьер. – Я же вас еще на корабле спрашивал, кем вам приходится господин посланник. А вы так внятно и не ответили... не смогли... по причине неустойчивости палубы, наверное...

– Замолчите сейчас же, князь! – Дантес кинулся к Долгорукову и попытался вывернуть ему руки. – А не то я сейчас вам устрою – будете у меня на обе ноги хромать! *Idalie*, я умоляю вас – не надо... и бесполезно меня упрашивать – я его уже вызвал...

– Жорж! Вы в своем уме? Вы что, забыли, с кем вы разговариваете? – Идалия уже не могла контролировать себя и с размаху влепила юноше звонкую пощечину. – Да вы завтра же будете отчислены из гвардии, если Александр Михайлович узнает о вашей дуэли! Пожалейте хотя бы господина Геккерна – он так много для вас сделал...

– Простите, *Idalie*... Я привык отвечать за свои поступки сам.

Иван Гагарин повернул голову так резко, что его выющиеся волосы разлетелись веером, и метнул на Дантеса изумленный взгляд. Его темные глаза, обычно не выражающие ничего, кроме скуки и развязной лени, внезапно сконцентрировались на белокуром юноше, сузившись в щелочки. Затем, все так же молча, он перевел свой весьма красноречивый взгляд на Долгорукова и улыбнулся краешками губ, продемонстрировав нежные девичьи ямочки.

– А кем же вам приходится господин посол, месье Дантес?

– А кем вам приходится Пьер Долгоруков, уважаемый Жан?

– Да как вы смеете! – взвился Гагарин, но Долгоруков остановил его. Внезапно подойдя к Жоржу совсем близко, он тихо сказал:

– Наш разговор не окончен, Дантес. Господин Геккерн пригласил нас с Жаном в гости... я надеюсь, что мы сможем там встретиться с вами.

Он как-то чересчур напоказ облизнул свои красные губы и вызывающе усмехнулся. Дантес вновь почувствовал, что краснеет, задетый слишком откровенными намеками князя Долгорукова, «этого гнусного негодяя».

Где же ты, Луи?.. Увези меня отсюда... не могу, не могу больше... какой гадюшник...

– Я не желаю вас видеть! – выкрикнул Жорж, потирая все еще горевшую от пощечины скулу. – Жду завтра у заставы, – быстро прошептал он, чтобы не услышала Полетика.

Что-то беспокоило его в пристальном взгляде прозрачных глаз наглого Хромоножки. Он не мог понять, что именно – сибаритствующий денди был явно неприятен ему вместе с его Жаном, но, когда они были вместе, от них исходили потоки энергии, природу которой было нетрудно разгадать...

Быстро поцеловав руку рыжей Идалии, не сводившей с него хищных кошачьих глаз, он, не говоря более ни слова, вышел из залы.

У высокого сводчатого окна под темной бархатной шторой, у самого выхода на лестницу, стоял Геккерн и молча смотрел на него грустными, тоскующими глазами.

– Жорж! Ты уже хочешь уехать? Не рано ли?.. – говорил он, сжимая в своих руках пальцы юноши. – Мне показалось, что тебе весело...

– Луи, не могу больше... Пожалуйста, давай уедем! И к тому же я... мне завтра рано вставать.

– Разве у тебя дежурство на Шпалерной? – удивился барон, вспомнив, что последний раз Дантес ночевал в казармах два дня назад.

– Не в этом дело, – грустно улыбнулся Дантес. – Просто я уже успел со всеми перессориться сегодня, и если я останусь еще на полчаса, то до завтра могу вообще не дожить! Я пошутил, – поспешно прибавил он, глядя, как барон изменился в лице.

– Я видел, как ты танцевал с мадам Полетикой. Будь осторожней с ней, mon ami – она жена твоего прямого начальника...

– Капитана Полетики? Знаешь, как его называют офицеры? Божьей коровкой! – Дантес от души рассмеялся, вспомнив толстого лысого Полетику, который годился в отцы очаровательной Идалии.

Могу себе представить, подумал внезапно Дантес, *какое количество гвардейских жеребцов успела затащить к себе в постель эта смазливая рыжая кошка... Впрочем, преимущества, кажется, очевидны...*

Жорж бегом выскочил на улицу в расстегнутой шинели, подставив пылающее лицо колющему морозному ветру с Невы, и тут же растянулся на льду, не очень больно ударившись рукой об лед. При этом он умудрился улететь почти на метр вперед и под хохот барона попытался встать на ноги. Вторая попытка тоже не удалась, и барон, пытаясь поднять со скользкой поверхности потешно барахтающегося на льду Жоржа, немедленно свалился вслед за ним, потеряв свой элегантный котелок где-то в самом начале раскатанной дорожки. Жорж, оседлав барона, сделал вид, что пытается бороться с ним, не давая ему подняться. Луи, смеясь и громко возмущаясь детской возней, затеянной Жоржем, не особенно сопротивлялся, в свою очередь не позволяя Дантесу встать на ноги.

– Вам помочь, господа?

На ступеньках австрийского посольства стоял Петр Долгоруков с сигарой в руке, и наглые глаза ухмыляющегося Хромоножки недвусмысленно говорили о том, что за их возней

он наблюдал уже довольно давно. Неспешно спустившись вниз и наслаждаясь произведенным театральным эффектом, он поднял котелок Геккерна и отдал его в руки моментально вскочившего на ноги барона. Дантес, продолжая лежать на льду, изящно повернулся на бок и, картинно подперев рукой щеку, уставился на Пьера.

– Может, хотите покататься верхом, дорогой князь? Ну что ж... подходите – покатаю!

И, встав на четвереньки и непристойно приподняв зад, Дантес приглашающим жестом похлопал себя по спине.

– Бесплатная лошадка! Прошу! Ну что ж вы так смутились, друг мой, – я ж от чистого сердца предлагаю!

Пьер, не ожидавший столь эксцентричной выходки от «краснеющей Жоржетты в эполе-тах», как он уже успел обозвать Дантеса, развернулся и молча захромал вверх по лестнице, сопровождаемый издевательским хихиканьем Жоржа и несколько смущенным покашливанием барона.

Что ж... злобно подумал он. *Кувьркайтесь, голубки. Посмотрим, как ты назавтра посмеешься, голубчик, – смотри только не наложи в штаны от испуга...*

– ...Стреляться будете из пистолетов на двадцати шагах, по моей команде, – инструктировал Гагарин обоих дуэлянтов, приехавших с утра на санях на дальнюю окраину Петербурга. – Сначала Пьер, потом вы.

– Почему сначала Пьер? – возмутился Дантес. – Он оскорбил меня, а значит, мой выстрел первый! Виконт, вы – мой секундант, и поправьте меня, прошу вас, если я не прав!

Оливье д'Аршиак с достоинством кивнул, открывая небольшой резной ящичек с двумя пистолетами.

Гагарин, покосившись на Пьера, изобразил бурный протест, умудряясь при этом тайком демонстрировать своему другу нежные ямочки. Тот выглядел так, как будто приехал развлекаться, и уставился на Дантеса с неизменной наглой ухмылкой на раздумавшемся от мороза лице. В его прозрачных, почти напрочь лишенных выражения глазах отражалось лишь застывшее, холодное февральское небо. Жорж, стоя без шапки под ледяным пронизывающим ветром, ждал команды д'Аршиака. На Долгорукого он больше не взглянул, как будто вовсе передумал стреляться, и лишь рассеянно и грустно оглядывал покрытые ледяной коркой сугробы позади него.

– Целься... Пли!

Дантес, миг очнувшись, поднял руку, выстрелил вверх и картинно распахнул шинель, вызывающе глядя на растерявшегося Хромоножку.

– Испугались, Дантес? – выкрикнул тот, поднимая пистолет. Прищулив глаз, он целился бесконечно долго, наблюдая за реакцией своего противника, и по команде «*пли!*» резко выстрелил через плечо себе за спину, поскольку там не было никого и ничего, кроме голой заснеженной равнины. Гагарин принужденно рассмеялся, фамильярно хлопнув Жоржа по плечу, и сказал:

– Молодец – а я думал, струсите, барон...

– Может, поедem в кондитерскую на Невский и отметим счастливый исход дуэли? Кофейку с пирожными, шампанского... а, Дантес? Виконт? Что скажете? – с самым невинным видом предложил Хромоножка, как будто они были лучшими друзьями. – А то я даже не успел позавтракать – проспал, представьте!

Кудрявый Ванечка прыснул и отвернулся. Жорж, брезгливо поморщившись, пробормотал: «Без меня», и, стремительно развернувшись, зашагал в сторону города.

Глава 4

Фраки и мундиры

*Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.
В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четкою,
Одною живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.
Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...
И в мутном круженье годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?*

И. Анненский

Карета Николая I весело катила по стремительно тающему Петербургу. Весна обещала быть ранней и дружной, грачи уже начинали вить гнезда на тополях и березах, талая вода в Адмиралтейском канале растекалась веселыми, искрящимися на солнце лужицами, и высокие купола церквей на фоне синего весеннего неба до слез слепили глаза свежей, яркой позолотой. Государь Николай I и шеф жандармского корпуса Александр Христофорович Бенкендорф вели неспешную беседу, свойственную давно знающим друг друга людям. Александр Христофорович, впрочем, ни на секунду не забывал об истинном величии сидящего рядом с ним человека, и его высказывания, казавшиеся порой небрежными, на самом деле были привычно отфильтрованы и взвешены, многократно и привычно просеяны через мелкое сито придворно-дворцовых условностей. За долгие годы знакомства, почти *дружбы*, с государем императором Бенкендорф научился мгновенно и адекватно реагировать на тончайшие оттенки изменений настроения государя, и полная, не особенно, впрочем, сложная гамма его эмоций всегда находила свое отражение, как в волшебном зеркале, в словах и делах Александра Христофоровича.

Вот и сейчас его натренированный мозг привычно улавливал ход мыслей и оттенки чувств государя, пока они подъезжали к строящемуся Исаакиевскому собору.

— ...один из моих любимых батальных живописцев, редкий умница, этот француз Ладюрнер, — говорил Николай. — Я разрешил ему пользоваться студией в Эрмитаже, а здесь он пишет свои батальные полотна да еще подновляет старые. Немцы-то, как я погляжу, похуже его, а этот — рисовальщик отменный, тонкий. Кто еще так во всех деталях передаст парад на Марсовом поле или смену караула лейб-гвардейского полка, не говоря уж о том, как лошадок выписывать умеет! Загляденье! — Государь улыбнулся и прикрыл рукой бледно-голубые, чуть навывкате, глаза, щурясь на ярком солнце. — Теперь вот, говорят, увлекся еще рисованием миниатюрных портретов... знаешь, таких, которые в медальоны вставляют. — Бенкендорф согласно закивал, улыбаясь, что было расценено как знакомство с творчеством художника. — Я рад, друг мой, что тебе тоже нравятся его картины. Подарить могу, если хочешь — и супруге твоей, глядишь, приятно будет, не все ж акварельки с цветочками по стенам развешивать. Ладюрнер-то тут скучает, друзей у него маловато, говорят... Французик один из гвардейцев, впрочем, захакивает к нему — этот, как его...

– Жорж Дантес, ваше величество, – быстро отреагировал Бенкендорф, слегка наострив уши. Разговор принимал нужный оборот, и стоило сосредоточиться, чтобы не пропустить главного.

– Да, тот самый, за которого просил голландский посланник фон Геккерн. А признайся, Христофорыч – этот хитрый дипломатический лис у тебя поди тоже в ногах валялся? «Ваше величество, он мне как сын, не за себя прошу – за мальчика, потому как служить будет вашему величеству верой и правдой...» С чего бы, а? Вроде он ему не сын и даже не родственник... Просто интересно... Глазки такие умоляющие делал, чуть до слез не довел!..

Бенкендорф опустил глаза, сделав вид, что протирает висящий на шее Георгиевский крест. *Я-то все равно знаю больше тебя*, подумал он, *за то ты мне, царь-батюшка, и деньги платишь немалые...*

На самом деле любое слово государя немедленно становилось руководством к действию, и упомянутый «лис» уже за одно это слово заслуживал вызова в Третье отделение и «разговора по душам», на которые тонкий психолог генерал-адъютант Бенкендорф был признанный мастер. Первое знакомство с еще совсем молодым Геккерном состоялось у Бенкендорфа лет десять назад, когда он за определенные «услуги» дипломатического свойства «закрыв глаза» на неоднократные попытки голландца провезти в Россию контрабандные товары – вино и антиквариат. М-да... Молодые кавалергарды дорого стоят... Теперь вот, стало быть, придется разбираться с его юным протеже...

Бенкендорф усмехнулся в усы, вспомнив тот пред рождественский разговор с Геккерном у Нессельроде, когда после ужина и виста посланник осторожно начал рассказывать ему о своем новом знакомом... «Ах, граф, я не останусь в долгу, вы же понимаете... Он мне как сын... Он усиленно занимается... Да-да, нельзя ли сразу офицером... все же военное училище он почти закончил...»

Ну, готовься, хитрая бестия... Отработаешь ты у меня осведомителем по полной программе, голландская каналья, сведения будешь давать обо всех своих приятелях во всех иностранных миссиях. Вот хоть с Брея начнем... А твои порочные пристрастия, родной, нам давно известны, и мальчишку твоего к рукам приберем – не все коту масленица, дай только срок...

– А как же, ваше величество, заметил сразу же – как за сына просил, а ведь, говорят, сам-то он бездетный. И жены нет, кажется... А Дантес-то этот и правда старается, я проверял, ваше величество... – несколько месяцев в гвардии, ни одного взыскания не имел, и Александр Михалыч им доволен, – после легкой заминки ответил Бенкендорф, испугавшись, что Николай заметит его задумчивость. Но государь, рассеянно улыбаясь, смотрел в окно экипажа.

– Да? – равнодушно спросил Николай, не отрывая глаз от куполов Исаакия. – А что, девчонки наши ему не нравятся? Или прекрасная Idalie, гхм... не успела еще до него добраться? – Государь хихикнул, видимо, намекая на полную невозможность такого поворота дела. – А впрочем, Бог с ним, друг мой, – альковные дела, кажется, по вашей части... Приехали, батенька, вылезайте...

...Ладюрнер вытер кисти о сухую тряпочку и отошел на несколько шагов назад, критически разглядывая картину, на которой были изображены несколько бравых гвардейских офицеров на фоне казарм. Жорж Дантес, с которым незадолго до того познакомился Ладюрнер, служил моделью для одного из них, и теперь, страшно польщенный, разглядывал себя на полотне и всячески вышучивал художника.

– А что это у него усищи такие длинные? Я такие не ношу! – хохотал Жорж. – Это ты, дорогой мой, никак с самого Полетики писал! А рожа хитрющая какая, сразу видно – каналья! Слушай – а дай мне карандаш, я тебе сейчас тоже картиночку на память нарисую... А ты ее рядом со своей повесишь...

– Хрена тебе, а не карандаш! – орал развеселившийся толстяк Ладюрнер, прицеливаясь в неумного гвардейца самой толстой кистью. – А шедевры свои в казарме развешивай – пускай господа офицеры оценят твои художества, Леонардо доморощенный! Видал я, какие ты рожи малюешь – это ж, стыдно сказать, издевательство над лицом, а не портрет! Хотя смешно, конечно... А Полетикин портрет в голом виде, дорогой Жорж, ежели кто увидит – ох и дадут тебе, ей-богу, в морду твою бесстыжую!.. Ну и срамник же ты, черт бы тебя драл, а с виду – приличный мальчик, из хорошей семьи... Да и кто ж жопу-то до полу рисует, а пузо и вовсе причинное место закрыло... хе-хе...

– Готов брать уроки, дорогой мэтр, – заявил Жорж, раскланиваясь перед художником на манер мушкетеров и размахивая шляпой. – Обязуюсь расписать все присутственные места в Санкт-Петербурге, включая Третье отделение!..

Что-то, по-видимому, произошло за спиной Дантеса, потому что внезапно онемевший художник выронил кисть, а все звуки из *просто громких* сразу же превратились в *громогласные*. Дантес, не разобрав, что происходит, на всякий случай отошел на два шага в тень невысокой ширмы, отделявшей мастерскую от запасника.

– Ну, здравствуй, Адольф Игнатьич, как движается работа? – загремел под потолком низкий властный голос, который Жорж узнал бы из тысячи. – Красиво, а похоже как! А молодцы-то наши как живые просто! Александр Христофорович, вот взгляни-ка – я тебе говорил...

– Старайтесь, господин художник, и радуйте нас вашими талантами. Талант вы, конечно, несомненный... – вкрадчиво вторил государю генерал-адъютант тоном несомненного одобрения. – А лошадки ваши – просто чудо как хороши! Как настоящие – вот сейчас хлестнет ее этот вот, справа, – и понесется она вскачь...

Разомлевший от похвал Ладюрнер не знал, куда девать руки, и, схватив карандаш, теперь мямл его в горячих и потных пальцах. Он не ожидал увидеть государя, да еще и в сопровождении шефа жандармов, и теперь думал, как лучше представить своего приятеля, все еще смущенно мямшегося за ширмой.

– А это кто рисовал? – Николай в изумлении разглядывал портрет самого Ладюрнера, нарисованный в новомодном карикатурном стиле. – Ой, забавно... Тоже ты? – Николай и Бенкендорф, от души веселясь, склонились над портретом.

– Да нет, ваше величество, один из гвардейцев ваших, Жорж Дантес... Он сейчас, кстати, у меня в гостях – да вот и он...

Незаметно появившийся в мастерской Жорж вытянулся по стойке «смирно» и гаркнул:

– Здравия желаю, ваше величество!

– Вольно, – милостиво сказал Николай, пристально разглядывая красивого белокурого гвардейца. – А ты, кажется, недавно служишь в полку ее величества? И как тебе? Тяжело в учении – легко в бою...

Бенкендорф молча следил за императором, не вступая в разговор. *Интересно*, подумал он, *что ты за фрукт, барон Дантес?..*

– Для меня большая честь служить вам, ваше величество, – с достоинством произнес Жорж, – и я не мыслил себе другой службы, кроме военной. Поэтому жаловаться не имею намерения – а лишь хотел воспользоваться случаем и поблагодарить вас за вашу исключительную доброту по отношению ко мне, что взяли на службу офицером.

– Постарайся ничем не запятнать звания гвардейского офицера, голубчик, и оправдать мое доверие. Капитан Полетика доволен тобой... значит, и мне не за что тебя упрекать.

Дантес щелкнул каблуками и замер, с восторгом глядя на русского государя. «А он вблизи совсем не так суров, как на своих портретах, – подумалось ему. – Глаза добрые, голубые...»

– А картиночку ты малевал, сознавайся, хитрец! – вдруг вспомнил Николай.

– Я, ваше величество...

– А вот бумагу марать тебе Господь не дал, – смеясь, заявил государь. – Так что время зря не трать... А ты как считаешь, Александр Христофорович?

Бенкендорф для виду снова уставился на карикатуру. Ухмыляющийся во весь рот Ладюрнер с зажатой в зубах огромной кистью выглядел на рисунке и вправду смешно.

– Заниматься каждый своим делом должен, господин барон, – назидательно произнес Бенкендорф. – Я вот, может, хотел бы стишки пописывать – а вместо этого доносы ваши нудные читаю...

Раскатистый смех государя был настолько заразителен, что смеялись теперь уже все четверо.

– Ай, Христофорыч, насмешил! – хохотал Николай, вытирая глаза белоснежным платком с царским вензелем. – Пойдем, батенька! Не будем вас больше задерживать, господа.

Дантес и Ладюрнер почтительно поклонились, и августейшая особа величественно удалилась в сопровождении шефа тайной полиции. Жорж вздохнул с облегчением, но пожилой, грузный Ладюрнер смотрел в сторону, будто задумавшись.

– А кто был с государем? – спросил Жорж, ни разу раньше не встречавший шефа жандармов.

– Генерал-адъютант Бенкендорф... начальник Третьего отделения. М-да-а... что-то мне не верится в эти сказки – просто мимо ехали, просто зашли... Будь осторожен, друг мой...

Любимым занятием Хромоножки с детства было подглядывание. Еще совсем маленьким он, круглый сирота, которого воспитывала престарелая бабушка, обожал шпионить за своими пятнадцатилетними кузинами и высматривал подчас нечто, что заставило бы покраснеть и взрослого. Например, он хорошо помнил то чудесное летнее утро на даче на Островах, когда обе девушки занялись «вышиванием». То есть они, конечно, сперва вышивали, но потом решили играть в «бал» и стали танцевать вальс, подпевая себе, а напоследок решили поиграть в «дам и кавалеров» и вдруг начали целоваться, да как! Маленький Петя, проковырявший перочинным ножиком круглую дырку в стене, отделявшей его комнату от террасы, которую сестры предусмотрительно заперли на ключ, долго не мог оторваться от восхитительного, манящего и столь откровенно порочного зрелища...

Одна из этих юных красавиц несколько лет спустя стала позволять себе странные выходы в его адрес, а однажды, сделав вид, что не заметила его, принялась расстегивать корсет.

То, что он увидел внутри ее корсажа, не произвело на него особого впечатления. Он вообще не мог понять все эти «ахи-вздохи», «перси-ланиты» и прочую чушь, от которой сходили с ума его приятели по Пажескому корпусу. То ли дело – красивые, стройные, загорелые мальчишеские фигурки...

Он ни разу не упустил возможности потискать кого-то из младших курсантов, за кем предварительно вел долгое наблюдение, чтобы иметь на руках все козыри для полноценного шантажа в случае «сопротивления жертвы».

Из Пажеского корпуса его и выгнали с предпоследнего курса за «предосудительное поведение» – попался как последний дурак в туалете, удовлетворяя свою распаленную похоть с мелким ушастым курсантом, плаксой и ябедой... Спасибо Сергею Семеновичу Уварову, пригрел в архиве курсанта-недоучку, поскольку на военную службу его все равно бы не взяли из-за врожденного уродства... Впрочем, Жан ему неоднократно говорил, что хромота придает ему «нечто байроническое», и смотрел при этом такими темными, нежными, влюбленными – глазами...

А потом Петр Долгоруков страстно полюбил театр. Но не только потому, что его необычайно заводило шумное и красочное зрелище. Его очень привлекал темнеющий зал, лорнет, который можно было наводить на соседние и дальние ложи с целью высмотреть нечто интимное – жест, взгляд, нетерпеливое касание руки, поворот головы И трепет «объекта», уверенного,

что его никто не видит в темноте. Свет в зале стали гасить совсем недавно, и обвинения в безнравственности посыпались со всех сторон – как от чопорных престарелых дам, так и от разжигавших, безмозглых тупиц мужского пола. Пьер был в неописуемом восторге, когда понял, что во время балета может безнаказанно хватать в темноте несчастного Гагарина, доводя последнего до истерики. Он рассмеялся про себя, вспомнив, как после одного из таких «развлечений в ложе» они еле доехали до дома, продолжая возбуждать и мучить друг друга в закрытом экипаже. Сейчас, собираясь в театр, он вдруг понял, что хотел бы оказаться в соседнем кресле вовсе не с Жаном...

После той дуэли он несколько раз видел Дантеса в салоне у Софи Карамзиной и еще у Александра Строганова, его однополчанина и младшего брата Идалии Полетики. Жорж явно избегал его, демонстративно поворачиваясь спиной, и это страшно бесило самолюбивого Хромоножку. При каждом удобном случае Пьер не упускал возможности наговорить ему гадостей в присутствии дам или однополчан-гвардейцев, на что Дантес обычно пожимал плечами, говоря: «Зачем спорить с больными людьми?» – или: «Подите-ка сюда, Долгоруков, я выбрал для вас самое большое пирожное, чтобы хоть чем-то заткнуть на время ваш огромный рот!».

Их резкие перепалки стали своеобразной отличительной чертой салонных вечеров, куда хозяева специально приглашали обоих, чтобы послушать их остроты. Князь Гагарин, подчеркнуто игнорирующий Дантеса, не мог, однако, не заметить, что его друг слишком часто упоминает в разговорах молодого *chevaliergardeni* каждый раз меняется в лице, когда видит его. Гагарину стало казаться, что его «милый друг Пьер» нарочно преследует гвардейца, и он уже больше месяца мучительно ревновал Хромоножку к Дантесу, хотя ни разу не высказал Пьеру в глаза своих подозрений. К тому же Жан, зная непредсказуемый нрав своего приятеля, опасался, что последствия такого разговора могут быть поистине *фатальными*. Модное словечко, которое часто употреблял Пьер...

Сейчас, сидя в шестом ряду кресел, в ожидании начала новомодной пьесы, Петр Долгоруков был уже раздосадован и взбешен настолько, что с трудом воздерживался от циничных замечаний вслух. Вместо обычной уютной ложи его начальник Уваров на целых две недели, видимо, в качестве «поощрения», оплатил для них «кресла» в шестом ряду партера. Сам он сегодня не явился, потому как, вспомнил Пьер, собирался в лавку к Смирдину за новыми энциклопедиями. Значит, невинные «шалости» с Гагариным на сегодня *отменяются*, подумал Пьер, тихо *зверей* и злясь уже на весь белый свет, отравивший его существование до самого конца сегодняшнего вечера.

Но хуже всего было то, что как раз впереди него сидел несносный кривляка и пошлый шут, этот сочинитель популярных стишков Пушкин вместе со своими друзьями – Михаилом Виельгорским и Андреем Карамзиным. Все трое оживленно болтали и слишком громко смеялись, нахально лорнируя знакомых и незнакомых дам и обсуждая вчерашний балет и юную Каратыгину в роли лесной нимфы. «Черт, – подумал Пьер, раздраженно поглядывая на уставившегося на пустую сцену Гагарина, – пошлый вздор и ненужные комментарии обеспечены до конца пьесы».

К тому же, как он успел заметить, вся троица, прибывшая за полчаса до начала, уже успела преизрядно нагрузиться вином, а в пьяном виде лохматый стихоплет бывал особенно развязан и несносен.

Тем временем нетерпение партера нарастало, и передние ряды начали отчаянно хлопать и стучать палками, требуя начать пьесу. Пушкин и его приятели, громко смеясь и аплодируя, стали кричать в сложенные рупором ладони: «Начинай! Не тяни! Давай!»

Оркестр настроил инструменты, дирижер подошел к своему пюпитру, и в ложе показался директор театра, кланяясь почтеннейшей публике. Началась увертюра, и все притихли в ожидании. Наконец, с последним аккордом музыки, взвился алый занавес, и представление началось.

Пьеса не нравилась Хромоножке. Он всегда откровенно скучал на спектаклях «из народной жизни», которые недавно вошли в моду и так нравились императорской семье. Развалившись в обитом бархатом кресле, вытянув ноги и расстегнув стильный пестрый жилет, он тайком наблюдал за ложей голландского посланника, в которой незадолго до начала спектакля заметил гвардейца Дантеса.

Украдкой поглядывая в лорнет на Жоржа, Пьер отметил про себя, что молодой блондинчик прилежно смотрит на сцену, изо всех сил пытаясь понять смысл происходящего на ней действия. Однако не забывал он и поглядывать на обнаженные плечи и белые руки прелестных дам, среди которых Пьер узнал Идалию с братом. Хромоножка поморщился, увидев, как Дантес пару раз переглянулся с рыжеволосой грацией и как та нарочито театральным жестом стиснула в руках веер. Жан беспокойно покосился в его сторону, но был успокоен незаметным нежным прикосновением руки. «Не дергайся раньше времени, Ванечка», – подумал Долгоруков, неоднократно ловивший на себе ревнивые взгляды Гагарина. Он видел Жана насквозь и прекрасно знал о его терзаниях. Ревность льстила самолюбию Хромоножки, и он умело затягивал Жана в бесконечную, сложную паутину «кнутов и пряников», когда пощечины сменялись страстными поцелуями, а надменная холодность – пылкими ласками.

Я тебя не бросаю, мой милый Жан... пока не соблазню кого-нибудь поинтереснее тебя...

Тем временем пятый ряд вконец обнаглел. Пушкин, развязно закинув руки назад и сцепив их кольцом на шее, закрыл ему полсцены своей кудрявой шевелюрой, к тому же позволяя себе громко и нагло комментировать все происходящее на ней под дружный гогот своих подвыпивших приятелей. Потом все трое начали размахивать руками и вопить, и вконец расстроенный Гагарин сказал:

– Может, уедем домой? По-моему, здесь становится невыносимо!

О черт!

Именно в этот момент Долгоруков, в последний раз глянув на ложу голландского посланника, тихо охнул и чуть не выронил маленький лорнет. Жорж в темноте, думая, что никто не видит, слегка откинулся назад всем телом и положил белокурую голову на плечо сидящего сзади Геккерна, который, судя по всему, давно уже прижимал его к себе, ласково обнимая за талию...

Мелкие капельки пота выступили на широком лбу Пьера, его била нервная дрожь, лорнет впился в руку и едва не хрустнул, стиснутый до боли в побелевших костяшках пальцев. Страшная, слепая, нерассуждающая ярость наотмашь хлестнула Пьера по глазам, впившись острыми шипами в сердце. Ему показалось, что кровь в его жилах мгновенно вскипела и тут же застыла, подобно ледяной корке, сковавшей жерло вулкана. Пьер разжал пальцы и закрыл глаза, сунув лорнет в карман.

Успокойся... тебе показалось... этого не может быть не может быть...

– Пьер?.. Что с тобой? Тебе плохо? – услышал он шепот Жана, и шок, ледяным панцирем сковавший его тело, уступил место холодной ярости и презрительному высокомерию.

– Не могли бы вести себя потише, милостивый государь? – не допускающим возражения тоном обратился Долгоруков к Пушкину. – Из-за вас ничего не слышно!

Троица разом обернулась к Пьеру, и три пары глаз вызывающе и нагло уставились на него, пытаясь понять, чего же хочет этот развязный юнец.

– Вы это мне? Я не ошибся? – издевательским тоном осведомился Пушкин, нехорошо усмехаясь, отчего его несомненная схожесть с обезьяной стала еще заметнее. – Я, молодой человек, не имею чести вас знать – да и не желаю, откровенно говоря! Но если бы *вы* знали, с кем имеете честь находиться рядом, то непременно бы прокусили себе жилетку от невыносимой зависти! – последнюю фразу он нарочно прогнусавил мерзким тонким голосочком, подражая известной *приме*, и Виельгорский с Карамзиным одобрительно захихикали.

Неожиданно обидчик протянул руку с невероятно длинными ногтями к жилету Пьера и вытащил из нагрудного кармашка его лорнет.

– Премиленькая штучка, вы не находите? – обратился поэт к своим онемевшим от его выходки спутникам. – А зачем вам, *mon ami*, запасной глазик? Я видел вас в фойе – мне кажется, вам лучше поскорее обзавестись запасной ногой! И еще кое-какими дополнительными частями тела, чтоб было удобнее прижиматься к вашему любезному дружку!..

Пушкин попал в точку, сам того не зная. Со всех сторон на них зашикали, однако побавровевший Пьер уже никого не видел, кроме своего кудрявого когтистого обидчика, которого готов был разорвать в клочья. Гагарин лениво препирался с Андреем Карамзиным; музыканта Виельгорского уже успела утомить дурацкая перепалка, и он тщетно пытался всех утихомирить. Публика начинала роптать, неодобрительно глядя в монокли на двух возмутителей спокойствия, и Пьер, схватив нетвердо стоявшего на ногах Пушкина за лацкан фрака, выволок его в пустое фойе. Гагарин вышел вслед за ним, туда же последовали Карамзин и Виельгорский.

– Я вам сказал – уберите руки! – шипел Пушкин, пытаясь оторвать от себя цепкие пальцы Хромоножки. Он уже успел растерять весь запас остроумия и теперь нес какой-то пошлейший вздор о дуэли, пистолетах, стрельбе на десяти шагах и прочую разную чушь, на которую Долгоруков реагировал холодно и надменно, как на пьяный бред. В конце концов Карамзину удалось уговорить Пушкина немедленно вернуть Пьеру лорнет и ехать домой, и тот нехотя согласился, продолжая, впрочем, злобно выкрикивать непристойности в сторону Пьера.

– Забирайте вашу модную игрушку, архивный денди, и не попадайтесь мне больше на глаза! – шипел поэт, размахивая руками и норовя заехать ногтем в глаз Пьеру. – Я вас запомнил, имейте в виду! Сразу видно – уваровский протеже... ну попадитесь мне еще раз!..

Внезапно размахнувшись, он швырнул лорнет на пол. Стекло вылетело из дужки и разлетелось на мелкие осколки.

– А теперь извольте наклониться и осколочки собрать, дабы никто случайно не пострадал! – заявил обнаглевший пиит, но в следующий момент сам, поскользнувшись на куске стекла, полетел на пол под издевательский хохот Пьера и Жана.

Виельгорский протянул ему руку, поэт встал и, приглаживая рукой непокорную кудрявую шевелюру, шепотом спросил у него:

– Что это за тип?

– Князь Долгоруков Петр Владимирович... Александр Сергеевич, у тебя кровь на руке... Вот, платок возьми... К черту эту сволочь, но ты и сам хорош, ничего не скажешь... Пошли, пошли... Ох и устроит тебе твоя Мадонна за пьяную драку, я тебе обещаю!

– Вы слышали, что я сказал? – повторил Пушкин, гордо вздернув вверх подбородок, что, впрочем, не делало его выше. Пьер, не удостоив обидчика ответом, смотрел на него с невыразимым презрением в холодных прозрачных глазах. – Завтра я вас убью! Секундантов выбирайте сами – а стрелять, кстати, вы умеете, *мой мальчик*, или мне вам на месте объяснить, как пользоваться пистолетом?

– Немедленно прекратите, Александр! – Неизвестно откуда налетевшая Идалия с дикой грацией рыжей кошки яростно метнулась на защиту Пьера. – Я все видела! Я сегодня же расскажу обо всем Натали! Хотите, чтобы завтра весь Петербург говорил только о том, что вы убили на дуэли Пьера Долгорукова? Постеснялись бы! Вы ж в два раза старше – а ума так и не нажили! Пьер, идите-ка сюда, *mon cher*... Да замолчите же, Пушкин, – мне совершенно неинтересно знать, кто первый начал! Немедленно извинитесь друг перед другом!..

Пьер молчал. Ему давно надоело все это пошлейшее «театральное представление», которое сейчас разыгрывалось в пустом фойе. Ледяной холод сковал его сердце и мозг, а происходящее волновало его не больше, чем судьба разлетевшегося на осколки лорнета. В этот момент в зале зажегся свет, и зрители потянулись к выходу.

– ...Александр Сергеевич, ну хватит, все, все... – лепетал Андрей Карамзин, хватая поэта за руки. Тот, внезапно опомнившись, вдруг очень серьезно посмотрел в глаза Пьеру и сухо сказал:

– Может быть, я и был не прав... Но учтите, князь, я всегда приношу несчастье тем, кто мне неприятен. Я пришлю вам новый лорнет. Прощайте.

Долгоруков надменно кивнул, в глубине души тронутый извинением Пушкина, которого никак не мог ожидать. Довольная исходом нелепейшей ссоры, Идалия нежно поцеловала поэта в щечку, что-то прошептав ему на ухо, но при этом кокетливо скосила глаза на кого-то еще, справа от Пьера. Этим «кем-то», разумеется, оказался Жорж Дантес, выходявший из залы под руку с улыбающимся Геккерном. Парочка, заметив *Idalie*, тут же направилась к ней, не обратив внимания на Пьера и Гагарина.

– Как вам понравилась пьеса, господин барон? – зашебетала очаровательно улыбающаяся рыжая кошка, излучая светскую любезность и обаяние. – А вам, Жорж? Нет, правда же, все так замечательно, и такие красивые декорации, и...

– Ну как же я мог оценить пьесу, дорогая *Idalie*, если смотрел только на вас? – рассыпался в комплиментах Жорж. Геккерн продолжал улыбаться, искоса поглядывая на гвардейца. – О, вы сегодня в новом платье – этот оттенок так идет к вашим восхитительным волосам, Идали... У меня просто нет слов – и как же я теперь смогу уйти от вас, если от вас просто невозможно оторвать глаз...

Галантный *chevaliergarde* продолжал беспечно молоть вздор под кокетливое хихиканье зеленоглазой грации. Пьер, молча наблюдавший за ними, внезапно отошел от окна и, стараясь не хромать, приблизился к теплой компании.

– Рад видеть вас, господин барон, в добром здравии, и вас, дорогой Жорж, – невинно начал Хромоножка, ощущая, как сжавшаяся внутри его пружина может в любую секунду развернуться, и тогда...

Геккерн сухо поздоровался в ответ и отошел в сторону, заметив Отто Брея, приветственно махавшего ему рукой. Идалия нежно заулыбалась, а белокурый гвардеец, сунув руки в карманы, иронически поднял бровь.

– Какая честь, князь! А что это вы пьесу не досмотрели? – притворно ласковым голоском протянул Дантес. – Распереживались так, что весь платочек обплакали, чувствительная вы душа? Ну попросили бы месье Гагарина погладить вас по головке – он бы точно сделал все, что в его силах, чтобы только утешить вас. Или вдруг срочно проветриться захотелось? Мне показалось, что вы покинули зал вместе с некими господами, явно что-то с ними не поделив... Или я не прав?

Он смотрел на меня... он все видел... он заметил...

– Я вышел поприветствовать сочинителя Пушкина и высказать восхищение его несомненным талантом, – скривив губы, заявил Пьер, не сводя с Дантеса наглых прозрачных глаз. – Впрочем, вряд ли вы читаете книжки, дорогой барон... Предпочитаете, наверное, в игрушки играть! А где вы прячете ваших плюшевых мишек – в казарме или *под кроватью* в голландском посольстве?

– Пьер, вы невыносимы! – зашипела Идалия, сузив зеленые глаза. Дантес, скрестив руки на груди, со снисходительной улыбкой смотрел на Хромоножку, никак не реагируя на его выпады. Но Хромоножка, не в силах оторвать взгляда от этих фантастических васильковых глаз, продолжал сыпать гадостями.

– Ах, какой на вас изумительный перстень, барон! – воскликнул он, чуть коснувшись пальцем руки Дантеса, отчего его снова бросило в дрожь. – Это вам, наверное, господин посланник подарил? Говорят, он просто заваливает вас подарками – и притом, прошу заметить, совершенно бескорыстно! А признайтесь, *mon ami*, как приятно, должно быть, когда на

тебя регулярно изливается потоком тепленький золотой дождичек... Ах... – Для большей убедительности Пьер закатил глаза и картинно сжал руки.

– Если вы сейчас же не заткнетесь, Долгоруков, я вам шею сверну! – прорычал Дантес, угрожающе двинувшись к Пьеру, но был остановлен нежной ручкой Idalie.

– Он не в себе... У него сегодня тяжелый день... – зашебетала Идалия, ласково беря Жоржа под руку и незаметно подталкивая его к выходу. – Не обращайтесь внимания, Жорж, – ну, вы знаете Пьера... сложный характер... А вот и Жан Гагарин. Спокойной ночи, Пьер, и я надеюсь, что в следующий раз вы почитаете нам наизусть что-нибудь из «Евгения Онегина»!

Хромоножка впился ненавидящим взглядом в спину уходящего Жоржа, руки у него предательски дрожали, а к горлу вновь подкатывал ком.

Я все равно достану тебя, сволочь... Ты еще будешь мне руки лизать, как собака, когда я буду лупить тебя по холеной морде, французская шлюха... И никто не сможет мне помешать – ни твоя прекрасная Идали, ни твой обожжаемый Геккерн...

Закрытый экипаж Геккерна быстро катил по направлению к голландскому посольству. Злой и мрачный Дантес, кусая губы и избегая смотреть на барона, сначала разглядывал свои ногти, потом изо всех сил пытался притвориться спящим, никак не реагируя на мягкие попытки Луи поговорить или просто пошутить с ним. Намеки мерзавца Хромоножки были слишком откровенны, чтобы их просто проигнорировать. Хуже было то, что этими же сальными шуточками его постоянно донимали в казармах на Шпалерной, и запас его терпения неумолимо подходил к концу. «Завидую тебе, дружище, – господин Геккерн снова оплатил твой карточный долг?» «Ах, какой у тебя шикарный браслет, Дантес, – это тебе он подарил?» «А скажите, Дантес, – вы, случайно, не тайный агент французской разведки? Как приятно, что хотя бы у вас никогда не кончаются деньги!» *Черт бы вас всех побрал, с горечью думал Жорж, закрыв глаза. Не лезьте мне в душу своими потными лапами... Мне не надо от тебя подарков, Луи...*

– ...Смотри, какой красивый плащ, Жорж! – внезапно воскликнул Геккерн, заглядевшись на витрину какой-то модной лавки. – Тебе должно так пойти... Если хочешь – завтра зайдем и...

– НЕ ХОЧУ! – взорвался Жорж. – Луи, ради Бога – оставь меня в покое... Можно я хоть немножко посплю? Я вчера всю ночь простоял как статуя в карауле Зимнего – могу я хоть чуточку поспать?..

Геккерн внимательно и без тени улыбки взглянул на Жоржа. Потом внезапно остановил экипаж и, хлопнув дверцей кареты, вышел на тающий в темном ночном сумраке Адмиралтейский проспект.

– Куда ты? – Вмиг пришедший в себя Дантес по-детски испуганно глядел на посланника, уходящего непонятно куда и так внезапно оставившего его одного в пустой карете.

– Пойду прогуляюсь, – сухо ответил Геккерн, не поворачивая головы. – Поезжай без меня. Поспи.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю.

– Луи?!

Но барон, запахнув широкий плащ, уже скрылся за поворотом...

Геккерна не было мучительно долго, и стук часов в пустом доме отзывался раскатистым эхом во взбудораженном, воспаленном мозгу Дантеса. Ему казалось, что он и сам превратился в маятник, в какой-то тикающий механизм, не знающий ни сна, ни отдыха, и, сидя с ногами в глубоком мягком кресле, он начал тихонько раскачиваться в такт этим мерным ударам. Тик-так, тик-так... «А если вот так и пройдет вся моя жизнь, – подумал вдруг Жорж, – и Бог его знает, сколько еще таких ударов мне осталось...»

А сколько-то таких ударов назад он сидел в ложе, чувствуя, как руки Луи обнимают его все крепче, забираясь к нему под мундир, легонько поглаживая нежную кожу его груди...

Потом еще этот мерзкий тип, Долгоруков... Хромоножка внушал ему отвращение, но не безразличие, он не желал его видеть – и все же не мог пройти мимо.

Черт бы тебя побрал... лучше бы ты провалился куда-нибудь, Пьер Долгоруков... С тобой мне отвратительно, без тебя – скучно... Ладно, разберемся и с этим... Господи, где же Луи? Луи...

Выбравшись из кресла, он вытащил из книжного шкафа свою папку с рисунками и любимый огрызок карандаша. Когда у него было тяжело на душе, он всегда начинал рисовать карандашом смешные рожицы и фигурки. Так ему легче думалось. «Вот так-то лучше», – подумал он, низко склонив к бумаге светлую голову и по-детски высунув от стараний кончик языка, и подрисовал красавице в черном бальном платье кошачьи ушки и пушистый хвост. Глазки у красавицы тоже были как у кошки, с вертикальными зрачками, улыбочка – заговорщицкая, и через перчатки явственно проглядывали острые коготки.

Схватив следующий лист, он начал рисовать Хромоножку. Пьер получился у него похожим на крупного крысеныша с нахальными широко расставленными глазами, хитрой скуластой мордочкой и тростью в лапке. Хихикнув, Жорж пририсовал Хроному Крысу внушительных размеров мужское достоинство и, несомненно, продолжил бы в том же духе, но...

Знакомые шаги заставили его вздрогнуть, и сердце его готово было немедленно пасть к ногам худощавого господина в развевающемся темном плаще, но упрямая мальчишеская гордость не позволила ему кинуться навстречу, обнять, прижаться, потереться головой...

Геккерн, молча кивнув Жоржу, прошел к себе в кабинет и, усевшись за стол вполоборота к нему, стал разбирать какие-то бумаги.

Впервые Жорж видел своего друга таким *чужим* – сдержанным, сухим, отстраненным, с маской равнодушной холодности на бледном, чуть заострившемся лице. Обычно живые и нежные, темно-серые глаза Геккерна сейчас деловито скользили по кипе бумаг, ни разу не остановившись на Жорже, и это пугало и одновременно бесило его. Жорж вдруг ощутил себя маленьким мальчишкой, которого наказали, а он не понял за что, потому что считал себя всегда и во всем правым. Ошибок своих он никогда не признавал. Еще в Сен-Сире им говорили, что настоящий мужчина, воин, должен быть начисто лишен эмоций, а угрызения совести – это для барышень.

Дантес отложил оба рисунка на низенькую удобную тумбочку красного дерева и впился глазами в затылок Геккерна.

Оглянись... ну что тебе стоит... ну повернись ко мне, Луи...

Жорж потихоньку выбрался из кресла и потянулся к хрустальному графину со свежей водой, которую Луи всегда оставлял для него, зная, что по ночам он часто хотел пить.

– Подойди сюда, Жорж, пожалуйста.

Звон разбитого стекла... *ч-черт!* – возня, попытка собрать осколки, порез, кровь... *Dejà vu*, подумал Жорж, *а где мои красные цветы?*..

– Это кого ты так замечательно нарисовал? – Голос барона над его головой прозвучал мягче, чем в первый раз, без повелительных интонаций. – Да оставь ты эти осколки, я прошу тебя, иди сюда, Жорж...

Жорж поднял голову. В глазах Геккерна застыли такое беспомощное отчаяние и такая острая боль, что Жорж едва не разрыдался сам.

Но нет. Не сейчас. Сначала я тебе выскажу...

Он резко встал и прошел мимо, в маленький будуар, едва не задев Геккерна плечом. *Какая же ты сволочь, Дантес, и ты мизинца его не стоишь...*

Стоя перед большим овальным зеркалом, он пытался привести в порядок спутанные платиново-белые волосы, избегая глядеть себе в глаза...

– Я не хочу, чтобы ты молчал, Жорж, – начал Геккерн, появляясь на пороге. – И сам тоже не буду. Я прошу тебя об одном – доверять мне, и больше ничего...

– Я тебе доверяю, Луи. Но я не игрушка, которую можно одевать, баловать, осыпать подарками и деньгами... Неужели ты думаешь, что я не понял совершенно определенно, на каком положении я у тебя живу? Ты думаешь, я не догадываюсь, почему меня взяли в гвардию офицером? Луи, я... я понимаю, чем тебе обязан. – Он отвернулся и, подойдя к окну, прижался к стеклу горячим лбом.

Что за бред ты несешь, мой мальчик?.. Я же люблю тебя... остановись...

– Ты мне ничем не обязан. Жорж, – глухо проговорил Геккерн, – я знаю, что бесполезно пытаться удерживать тебя, если ты хочешь уйти...

– Что ты говоришь? – Дантес закрыл лицо руками и сполз на пол, уткнувшись лбом в подоконник. – Я не хочу... я не могу без тебя...

– Я не заставляю тебя быть рядом со мной... Ты понял?! – Голос Геккерна предательски дрогнул. – Но ты не можешь меня заставить разлюбить тебя! – Луи подошел к нему и уселся на пол с ним рядом. – Я всю жизнь прожил один, Жорж, мне сорок лет, и у меня не было никого, кого я мог бы полюбить... Я не могу иметь семью... ты знаешь почему. И вот теперь я счастлив, потому что у меня есть ты.

Дантес, всхлипнув, уткнулся мокрым от слез лицом в его грудь. Руки Геккерна гладили и перебирали его мягкие волосы, и он знал, что никто и никогда не будет так дорог ему, как этот одинокий немолодой человек с нежными серыми глазами...

– Если бы я мог любить женщину и этой женщиной был бы ты, – задумчиво проговорил барон, – я бы, наверное, уже давным-давно подарил ей обручальное кольцо и женился на ней... Но я не знаю, Жорж, сколько должно пройти лет, прежде чем любящие сердца, такие, как мы с тобой, смогут соединиться перед Богом и людьми... Пока что – одни преследования, издевательства, косые взгляды и пошлые намеки, как будто мы и не люди вовсе... Но я, понимаешь ли, не считаю себя больным или извращенцем... Мне кажется, что *это* – всего лишь разновидность нормы, а не отклонение от нее... Жорж, я прекрасно знаю, что тебе нравятся женщины, и никогда не буду пытаться помешать тебе в твоих отношениях с ними. Хотя... наверное, буду ревновать, прости... Но я мог бы быть тебе... ну, не знаю... опекуном... Твой отец жив?

Потрясенный услышанным, Жорж не смог ответить сразу. Продолжая обнимать Луи, он глухо ответил:

– Да. Но я ему не нужен... Маме был нужен... А ему – нет... Я могу его понять – ведь у меня есть еще две сестры и младший брат... А я уже давно – отрезанный ломоть, Луи...

– В таком случае я усыновлю тебя.

Жорж вскочил на ноги. Ему показалось, что он ослышался.

– При живом отце?

– Жорж... я не понял... если тебе неприятна эта мысль, я больше об этом не вспомню. – Геккерн опустил глаза и нервно схватил со стола сигару. – Я же объяснил... – Он невесело рассмеялся. – Ну... будем в таком случае считать, что я сделал тебе предложение, а ты его отверг.

Дантес, все еще не веря услышанному, склонился над Луи, не отводя от него взгляда.

– Жорж... я... мне уже немало лет, и я уже никогда – ты слышишь... и никого – не смогу полюбить. А ты так молод... ты такой красивый... Я до сих пор удивляюсь, что ты нашел во мне... Но когда-нибудь ты все равно уйдешь от меня... Не плачь... А так – я бы смог передать тебе фамилию, титул, состояние... Все, что смог бы сделать для тебя. Умереть... за тебя. Если бы захотел стать моим... сыном. Хотя – гхм... на самом деле чертовски жаль, что не женой...

Тяжесть, невыносимо давившая на обоих весь этот ужасный вечер, разом свалилась с их плеч. Оба расхохотались и снова уселись, обнявшись, на пушистый, теплый ковер.

– Луи, я не знаю, как мне благодарить тебя...

– Тебе незачем благодарить меня...

– Я люблю тебя...

– Молчи...

– Что вы себе позволяете, *rara!* Это же инцест!..

– Угу, слово-то какое знает, ну надо же... инцест. Конечно, инцест. Еще какой...

Хохоचा, Жорж ловко увернулся от обнимающих рук Геккерна.

– Луи... но это ведь не шутки. Мой отец жив и здоров. Никто тебе не позволит...

– Я столько лет служил своему королю, Жорж, что теперь он не сможет мне отказать...

Я напишу твоему отцу. Я встречу с ним. Я... я сделаю все, что смогу, для твоей семьи. Если только ты согласен... Ах, я – старый эгоист... Я просто никогда больше не смогу расстаться с тобой, *mon cher*... Не хочу... Сдохну без тебя... Эй... ну иди же сюда, Жорж. Посмотри...

Достав из красивой бархатной коробочки изящный золотой перстень с синими сапфирами, он надел его на палец Дантесу.

На безымянный палец левой руки.

– Луи! Я не могу... – Темно-голубые, глубокого и насыщенного оттенка, сапфиры расплывались перед глазами у Жоржа в одну большую синюю каплю.

– Это – обручальное кольцо моего отца. Я дарю его тебе... А себе теперь тоже куплю, буду носить на том же пальце... Русские носят на правой руке, и никто не догадается... Носи его, Жорж...

– Я сам тебе подарю! Я тоже могу сделать тебе подарок, Луи! Ты знаешь... русский государь назначил мне небольшое содержание, и я скоро смогу его получать...

Геккерн вздрогнул, но сделал вид, что пропустил последнее замечание Дантеса мимо ушей. *Держись подальше от этого человека, мой мальчик*, подумал он, *и от жандармской сволочи графа Бенкендорфа*.

Храни тебя Господь...

Клоуны. Их было много, с размаляванными, балаганными лицами, в ярких разноцветных костюмах, с нарисованными от уха до уха улыбками. Двое или трое кувыркались на изумрудной свежей траве под веселый детский смех, кто-то дрался на игрушечных деревянных иппажках, остальные просто парили в воздухе, взявшись за руки, изображая воздушный хоровод над импровизированной зеленой ареной. Мимо на грациозном черном скакуне неслышно проскакала рыжая Коломбина и исчезла за деревьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.